

СИМОНА ВУЛАР

ВЕТЕР С СЕВЕРА

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

Симона Вилар

Ветер с севера

Серия «Нормандская легенда», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70119769

Аннотация

Начало X века. Изгнанный с родной земли дерзкий викинг Ролло имеет, казалось бы, безумную цель – он решается захватить земли северной Франции, чтобы основать там свое королевство. Во время одного из набегов пленницей этого неукротимого воина становится юная Эмма, рыжеволосая красавица. Грубый язычник Ролло не мог и предположить, что отныне вокруг этой стройной девушки закружится его жизнь, а дорога, на которую направит его судьба, приведет к вождеденному трону.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	58
Глава 2	93
Глава 3	116
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Симона Вилар

Ветер с севера

Пролог

Король Харальд Косматый¹ пировал, отмечая свою победу над непокорными ярлами² в битве при Хаврсфьорде. Пиршество длилось почти месяц, мокрую осень сменили зимние снегопады, а викинги Харальда все еще не считали, что достойно отметили великую победу.

В длинной бревенчатой зале было жарко и душно от огней и человеческого дыхания. В воздухе витали то хвалебные песни, то брань. Гости конунга веселились, повесив свое оружие среди тканых ковров на вбитые в стену крюки – в знак доброй воли и того, что обнажат его только в случае честного поединка, а не ради пьяной драки. Гостей было столько, что хватило бы собрать войско для доброго викингского похода. Но сейчас они больше болтали о былых битвах, нежели жевали с полными до отказа животами хвататься за оружие.

---

¹ Харальд Косматый, или Прекрасноволосый (860–940?) – владелец норвежской области Вестфольд, который, став конунгом (королем), вел постоянную борьбу с родовой знатью и непокорными викингами за главенство в стране. В битве при Хаврсфьорде ок. 900 г. он разбил объединенные силы противников, окончательно утвердив свою власть в Норвегии.

² Ярл – князь.

Все новые и новые блюда водружали на столы пирующих рабы, но пресытившиеся гости больше пили, чем ели; многие, захмелев, падали под столы со скамей, и женщинам, разносившим рога с напитками, приходилось перешагивать через беспомощные тела героев.

Сам король Харальд восседал на высоком месте во главе пирующих, покрасневшийся от браги и вин, со съехавшей до кустистых бровей короной чеканного золота. Он улыбался и, щурясь от дыма, слушал, как знаменитый скальд³, держа в руке огромный рог во всеуслышание декламировал хвалебную песнь о его победе:

*– Кто не слышал
О схватке в Хаврсфьорде
Великого конунга?..
Спешили с востока
На битву струги —
Все драконьи пасти
Да острые штевни...*

Гости конунга, сидя на длинных скамьях вдоль стен, одобрительно галдели, поднимая во славу победителя рога с пивом, и пламя горевших в длинных очагах в центре покоя поленьев отбрасывало багровые отблески на лица воинов.

Харальд улыбался. Теперь его больше не называли Косматым, а величали Харальдом Прекрасноволосым. Когда-то

---

³ Скальд – воин-поэт.

давно, еще будучи честолюбивым юношей, он дал клятву, что не станет стричь волосы, пока не покорит всей Норвегии. И вот теперь наконец-то он достиг своего, и его ближайший сподвижник ярл Регнвальд из Мёра отрубил длинную косу короля, а раб-цирюльник гладко выбрил его щеки, напоял и подвил волосы. Время исполнить обет пришло! И хотя не все уцелевшие после поражения викинги спешили явиться к нему на поклон, предпочитая отсиживаться в своих вотчинах, Харальд уже знал, что власть в его руках. Даже то, что не так давно Харальд посмел изгнать из страны дерзкого молодого Ролло, сына своего сподвижника Регнвальда, и никто не решился оспаривать волю Прекрасноволосого, все указывало – Харальд стал непреложным правителем всех земель Страны фьордов!

Сейчас, вгрызаясь зубами в бараний бок и вытирая тяжелыми от перстней руками текущий по подбородку жир – он чувствовал себя в некоем блаженном спокойствии, столь редком для правителя-воина. Посмеиваясь, он наблюдал как его соратники затеяли в центре бревенчатого зала веселую возню: двое из них, забравшись на плечи двух других, лупили друг друга мешками с опилками, стараясь свалить противника на землю. Остальные подзадоривали их, крича и стуча рогами и кубками о столешницы. Женщины на дальних, расположенных поперечно по отношению к мужским, скамьях, визгливо смеялись, тыча в сражающихся пальцами. Неистово лаяли возбужденные всей этой суматохой псы.

Стоял страшный шум, который, однако, не в силах был разбудить тех, кто уснул во хмелю.

Харальд даже поморщился, когда на него сонно навалился, храпящий открытым ртом, его соратник Регнвальд из Мера. Отпихнул. Регнвальд лишь сонно рыкнул что-то, свалился под стол, растянулся меж грызущими кости псами. Великий ярл Регнвальд. Соратник и друг, который был согласен со своим конунгом даже тогда, когда тот изгонял из страны его сына... Правда многие поговаривали, что меж отцом и сыном нет и никогда не было родственных чувств. А иные замечали, что в них-то и общей крови не более чем снега в пламени очага, даже намекали о том, кто был истинным отцом смутьяна Ролло. Но так или иначе, а на Регнвальд смолчал, когда Ролло изгнали из страны. И лишь его жена Хильдис – женщина скальд из знаменитого рода Рольва Носатого, осмелилась просить за сына.

Хильдис всегда была красавицей. И этому медведю из Мёра даже повезло, что он взял в жены женщину прекрасную как светлый эльф, которая даже с годами, но утратили способности пленять мужской род своей выразительной красотой. Харальд не раз замечал Регнвальду, как тому повезло с женой, но ярл Мёра обычно отмалчивался и лишь один раз, хватив лишку браги, проболтался, что взял в жены женщину, холодную, как одна из дочерей ледяного великана. И, тем ни менее, она кроме Ролло родила Регнвальду еще двоих сыновей – такого же грубого, неуклюжего, всегда себе на уме, как

и отец Торира Молчуна и хрупкого, болезненного малыша Атли. И все же любимцем Хильдис всегда оставался именно её первенец – Ролло.

Может поэтому Хильдис и осмелилась явиться к победителю викингов и просить его за сына. Но Харальд, которого давно изводили дерзкие выходки и непочтение Ролло, ответил ей «нет». Тогда женщина-скальд сложила такую вису⁴, которая стала известна по всей Норвегии:

*– Не напрасно ль Ролло,
Словно волка, крова
Вы лишили, волю
Гневу дав, владыка?
Страшно спорить с лютым:
Людям князя сладить
Вряд ли с ним удастся,
Коль в лесу заляжет.*

Хильдис оказалась права. Ролло, изгнанный и поставленный вне закона, ушел в горные леса, собрал шайку таких же, как и сам отчаянных головорезов вне закона и они стали грабить людей Харальда, жечь его усадьбы, разбойничать вдоль побережья. Люди даже стали поговаривать, что рановато Харальд поспешил обрубить свою знаменитую косу, если ему не по силам совладать с мальчишкой, которому не исполни-

---

⁴ Виса – импровизированное короткое стихотворение или строфа в поэзии скальдов.

лось и двадцати зим.

В итоге конунг вызвал своего верного Регвальда, признанного отца этого молодого смутьяна, и как властитель приказал справиться с сыном. Регвальд тогда словно обрадовался этому заданию и при всех поклялся, что лично притащит на веревке Ролло и кинет в ноги Прекрасноволосому. И многие слышали ту клятву.

Тем горше было поражение ярла Мёра. Молодой Ролло первым выследил отца, сжег усадьбу, в которой тот остановился, вместе со всеми воинами, выпустив оттуда лишь женщин и детей. Впрочем, отпустил он и отца своего, хотя Регвальд клялся, что предпочел бы погибнуть. Ибо когда окрестные пастухи увидели, как по каменистой горной тропе спускается жалкая кляча, на которой лицом к хвосту восседает связанный голый человек, на обеих ягодицах которого вырезана перевернутая руна «альгис», означающая недостижимость поставленной цели, они долго хохотали, но потом, сжалившись, дали несчастному несколько обрывков шкур, дабы он мог прикрыть свой обесчещенный зад. Они и вообразить не могли, что перед ними сам могущественный ярл Регвальд.

И все же, когда весть об этом разлетелась по Норвегии, многие догадались, кто был тем человеком с исполосованной задницей, ибо все видели, что ярл Регвальд долгое время предпочитал есть лежа на боку и наотрез отказывался совершать верховые поездки. Но если раны на задку, пусть мед-

ленно, но все же зарубцовывались, но не заживала уязвленная гордость ярла. Он был так подавлен, что сам Харальд, дабы хоть чем-то утешить друга, отдал ему Оркнейские острова, где тот мог бы править, как король. Но Регнвальд отправил туда своего брата Сигурда, ибо сам дал обет не покидать Норвегии, и поклялся, что-либо изгонит сына из пределов страны, либо собственноручно пронзит его осиновым колом как оборотня.

Сейчас же, на пиру конунга, Регнвальд храпел, как боров. Мир пьяных сновидений освобождает человека от мучений уязвленной гордости. Король Харальд поудобнее поставил на его бок ногу, а сам глядел туда, где гостей веселили рабыни-танцовщицы, тоже изрядно подвыпившие, разнузданные и визгливо хохотавшие, когда мужчины хватали их и пытались перетащить к себе через столы. Было уже за полночь, время, когда человек начинает вести себя как зверь, и наступает пора когда знатым женщинам следует покинуть пир мужчин.

Как раз в это время Харальд увидел, как одна из его жен, прекрасная Снэфрид дочь Сваси⁵ несет ему последний рог.

На миг Харальду показалось, что и пир и окружавшие его люди куда-то исчезли. Он видел лишь одну свою красавицу финку. Конунг знал, что многие осуждают его за столь сильное влечение к женщине лапландских кровей, среди которых, как гласит молва, каждая вторая – ведьма. Но хотя

---

⁵ Сваси – т. е. финна (Сваси – распространенное финское имя).

Снэфрид и впрямь знала руны и заговоры, а также множество магических обрядов, Харальд не видел в том особого вреда. Когда же за ними закрывались створки их большей, похожей на деревянный ларь кровати, Харальд порой и сам начинал верить, что она сушая колдунья, ибо её искусство в любовных делах было таково, что конунгу не хотелось потом и глядеть на других жен и наложниц. Но воистину он не имел ничего против такого колдовства!

Со временем многие привыкли, что загадочная, необщительная Снэфрид становится все ближе к конунгу. И когда недавно Харальд заявил, что во время весенних жертвоприношений заключит с дочерью финна Сваси брак по полному обряду⁶ и объявит её своей королевой, большинство его ярлов и свободных бондов уже приняли это, как должное. И теперь Снэфрид величали уже не низкородной ведьмой, а точно валькирию⁷ – Снэфрид Сванхвит, Лебязьебелая. И сейчас, когда она несла рог, невесомо двигаясь меж огней, смолкал гомон и только скальды восхищенно бормотали, поднимая кубки: о, земля ожерелий, поляна гривен, калина злата.⁸

---

⁶ В X ст. в Скандинавии существовало два вида брака: неполная свадьба, без соблюдения всех полагающихся обрядов, и полная – когда женщина становилась полноправной хозяйкой в доме супруга.

⁷ Валькирии – небесные девы-воительницы, живущие в небесном чертоге богов Валгалле и уносящие души павших героев.

⁸ Т.е. воплощение женственности. Подобные иносказательные выражения в поэзии скальдов назывались кенингами и часто использовались в поэтической речи.

Как для лапландки Снэфрид была довольно высокой. Даже покрытая вышивкой ткань ее платья и передник, схваченный над грудью драгоценными пряжками, не скрывали вызывающей плавности линий её сильного тела. Она двигалась медленно, едва отрывая ступни ног от устланного соломой пола, и при этом все её тело жило необъяснимой особенной жизнью, притягивая взоры мужчин. Но Харальд был уверен, что её волнующая гибкость доступна лишь ему одному. Он не желал помнить о слухах, что распускали его недруги – якобы Снэфрид одно время весьма милостиво относилась к мятежному Ролло. Нет, это скорее сам дерзкий мальчишка Ролло, хотел позлить конунга и приставал к Снэфрид, пока Харальд не объявил её во всеуслышание своей женой.

Сейчас же, когда финская красавица со своей тихой полуулыбкой остановилась перед конунгом и протянула ему полный рог, он внезапно вспомнил их первую встречу, когда он прибыл в усадьбу отца её Сваси и Снэфрид так же стояла перед ним с приветственным напитком в руках. И так же смотрела на него немного исподлобья своими странными глазами – раскосыми, как у лисы. Причем они были разного цвета: один аспидно-черный, а другой бледно голубой, прозрачный. Учитывая немного смуглую кожу финки и ее неожиданно белые, как шкурка горноста, волосы, она сразу произвела впечатление на конунга. Таких женщин он еще не встречал, потому в тот же миг и почувствовала, что сойдет с ума, сгорит в жгучем огне, если не утолит с ней вспыхнув-

шее в нем пламя желаний. А чтобы староста финнов Сваси не упрямылся, он дал ему за дочь настоящее золото, священное у финнов, и более того, взял себе в окружении троих его сыновей, пообещав сделать их ярлами и вырастить со своими кровными детьми.

Со Снэфридом же с тех пор Харальд не расставался. Сейчас же, любуясь красотой супруги, он в который раз подумал, что не прогадал при сделке. О, эта её ласковая, словно бы полусонная улыбка! У Снэфрида был влекущий чувственный рот, тонко очерченный орлиный нос, ее пышные волосы красиво удерживал вокруг чела блестящий янтарный обруч. А этот ее словно испытывающий взгляд немного исподлобья, ее раскосые глаза... Харальд вдруг почувствовал, что уже устал и от пиров и еды, и он песен скальдов. Сейчас ему больше всего хотелось запустить пальцы в белые волосы своей финки, запрокинуть ее голову, прильнуть к её гибкому податливому телу.

Тем временем Снэфрида смотрела на него в ожидании, протягивая дымящийся напиток, и одна из её соболиных бровей нетерпеливо дрогнула.

– Пей же, мой повелитель! Это горячее вино с восточными пряностями, которые называют корица и кардамон.

Харальд принял рог. На этом сосуде когда-то сама Снэфрида вырезала руны-обереги, и он должен был разлететься на части, если бы недруг вздумал опоить конунга. Рог был огромен, его нельзя было поставить, и волей-неволей приходи-

лось пить до дна.

Прикрыв глаза, Харальд тянул его, слыша, как галдели, сомкнувшиеся вокруг, викинги. Достойным считался тот, кто, опорожнив такой рог, оказывался в состоянии усидеть и дальше на пиру, сохраняя ясную голову. Харальд же считал себя достаточно умелым в питье и поэтому лишь довольно улыбнулся, возвращая Снэфрид сосуд. Он еще успел различить её торжествующую улыбку, но сейчас же ему показалось, что все окружавшее его стремительно удаляется. Гасли шум, мерцание огней, перезвон чаш, будто дым, клубившийся под сводами кровли опустился вниз, окутав все вокруг. Лишь бледным видением мелькала вдали светлая фигура Снэфрид. Харальд удивился тому, что вино так мгновенно повлияло на него, но ему уже невероятно хотелось спать, голова казалась столь неподъемной, что конунг даже снял с нее венец, надев его, как простое запястье, на руку. Где-то в глубине души билось смутное беспокойство, но он не решился выказать его, явив себя трусом. Ведь он пил из рога, поднесённого Снэфрид!

Меж огней мелькали полуголые тела, сверкало занесенное оружие, раздавалось пение, бренчали струны. Воины плясали крока-мол.⁹ Харальд хотел было присоединиться к ним, но ноги не повиновались ему. Вспомнив, что Снэфрид удалась не в крыло женщин, а к выходу из дома, конунг заставил себя посмотреть в ту сторону. Тем, на высоких под-

---

⁹ Крока-мол – воинственная пляска с мечами, сопровождавшаяся пением.

ставках, пылали две чаши с тюленьим жиром. Закрывавшая прямоугольник двери меховая полость была откинута, и Харальд мгновенно похолодел, заметив стоявшего в дверном проеме мужчину. Перед глазами конунга мелькали силуэты пляшущих, метались тени, стелился едкий дым, но даже неяркого пламени светильников хватило, чтобы узнать эту возвышавшуюся над головами большинства присутствующих фигуру – мощные квадратные плечи, длинные, до плеч, волосы, чисто выбриты надменный подбородок... Ролло! Его заклятый враг Ролло!

Харальд не мог ошибиться. Даже пряжка плаща на плече расположена с левой стороны, дабы не мешать левой руке выхватывать из ножен меч, а кому не известно, что Ролло – левша! Какую же дерзость имеет этот мальчишка, явившийся на пир к своему недругу и теперь стоящий у входа прямо глядя в лицо конунга! В пламени светильников в его взгляде мелькает что-то волчье, свирепое. Харальд в одно мгновение подумал, что Ролло пришел отомстить и теперь сожжет конунга со всеми приспешниками, заперев их в усадьбе. Но зачем тогда он вошел сюда сам?

И тут конунг получил отит. Снэфрид. Она приблизилась к Ролло, и тот накинул ей на плечи меховой плащ. Лебяжье-белая сразу же, не оглядываясь, вышла, а вот Ролло на миг задержался, и Харальд увидел, как его хищные зубы сверкнули в усмешке.

Конунг попытался броситься следом, однако отчего-то не

смог, лишь захрипел, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Он сумел лишь пнуть Регнвальда, но тот лишь что-то рыкнул со сна. А лихие напевы крока-мола сливались с криками:

– Конунг пьян! Конунг пьян! Слава Харальду Прекрасно-волосому!

Под эти вопли Харальд уронил лицо на полуобглоданную кабанью тушу и погрузился в тяжелый наркотический сон.

На дворе стояла глухая морозная ночь. Объевшиеся псы даже не залаяли, заметив скользящие человеческие тени. Скрипел снег, клубился пар от дыхания. Шедшие беспрепятственно миновали усадебные постройки, никого не встретив, и Ролло с облегчением снял руку с рукояти меча. Снэфрид услышала его вздох и тихонько засмеялась, прильнув к своему спутнику.

– Сейчас самое время подпереть двери усадьбы и сжечь их всех!

– Нет, – отрезал викинг – Там и Регнвальд и мой брат Торир. Не хочу, чтобы Хильдис жила с мыслью, что я их убийца.

Не замеченные никем, кроме ущербной луны, они достигли зарослей ельника, откуда доносилось позвякивание сбруи привязанных лошадей. Из-за сосны показались фигуры ожидавших их воинов, вооруженных копьями и круглыми, переброшенными за спины щитами.

– Ну, наконец-то!

Ролло лишь негромко засмеялся, похлопывая по холке высокого коня. У беглецов были не маленькие лохматые лошадки местной породы, а длинноногие, сильные кони с Рейна. Такие кони стоили очень дорого и их было мало в Норвегии.

– Что так долго? – спросил один из ожидавших, молодой викинг, с выбивавшимися из-под меховой шапки светлыми височными косицами: – Или эта диса брачных уборов¹⁰ сопротивлялась?

Ролло с уверенной улыбкой притянул к себе Снэфрид Лебязьебелую.

– Она? О, нет! Однако видишь ли, друг Олаф, я все же не смог удержаться, чтобы не послать лохматому Харальду последнее приветствие.

Олаф наигранно ахнул и демонстративно воздел руки к небу. Они все еще были в усадьбе врагов, но Олаф весельчак и балагур, всегда готов был посмеяться. А вот другой викинг, пожилой, длиннобородый, в рогатом шлеме поверх меховой шапки, сердито не шикнул на них.

– Тролли что ли помutilи ваш разум? Чем скорее мы уедем отсюда, тем верней останется с нами наша удача. – И покосился на женщину: – Хотел бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы сын моего друга так рисковал ради тебя?

Из-под пушистого меха капюшона на него недобрый све-

---

¹⁰ Женщину (кенинг).

том блеснули разноцветные глаза финки. Но старый викинг уже не глядел на нее. Зато заулыбался, наблюдая, как легко, не касаясь стремени, вскочил в седло Ролло. Вздыхнув, он проворчал с нежностью в голосе:

– Да, видели бы тебя сейчас те, кто зовет тебя Пешеходом, как твоего отца! У старого Ролло никогда не было такой ловкости, как у его сына. Да и на коне он выглядел так же неказисто, как мельничный жернов на брачном ложе, клянусь Одином,¹¹ Христом и Аллахом.

– Это потому, что у него не было таких коней, Кетиль, – прищпоривая своего жеребца, отозвался со смехом Ролло.

А потом была бешеная скачка под звездным небом. Ролло понимал, что чем дальше они успеют уехать – тем крепче будут сидеть их головы на плечах. И хотя Снэфрид уверяла, что от её зелья Харальд проспит не менее трех суток, никто не мог поручиться, что кто-нибудь не обнаружит исчезновения супруги короля и не снарядит погоню.

Поэтому они безостановочно и ехали почти целые сутки, лишь меняя лошадей на подставах, предусмотрительно подготовленных Ролло. С каждой сменой их отряд рос, и теперь единственное, что волновало Ролло, – как долго сможет выдержать эту скачку Снэфрид. Но финка держалась в седле как валькирия, и к вечеру они достигли старого имения матери Ролло в горах, лежавшего далеко от проезжих дорог.

Хильдис, предупрежденная, что это возможно, её послед-

---

¹¹ Один – верховный бог в древнескандинавской мифологии.

няя встреча с сыном, сама с факелом в руке вышла встретить прибывших и лишь слабо ахнула, увидев, как сын снимает с седла ту, кого в этих краях звали Белой Ведьмой. Тем ни менее она молча осветила им дорогу в боковую клеть, куда Ролло отнес на руках буквально рухнувшую с коня Снэфрид.

То, что финка смертельно утомлена, он понял, когда уложил её на тюфяки гагачьего пуха и Снэфрид не потянулась к нему с обычной её страстью, а тут же погрузилась в полудремотное состояние. Он расшнуровал и стащил с нее сапожки, стал растирать её заледеневшие от стремян ноги. Женщина слабо застонала и на миг приоткрыла глаза. В неверном свете лучины она разглядела озабоченное и нежное выражение на лице склонившегося над ней Ролло. Слабо улыбнувшись ему, она погрузилась в сон. Но до конца её дней Снэфрид, дочь Сваси, беглой королеве Норвегии, не суждено было забыть этот взгляд того, ради которого она пожертвовала всем.

Когда Ролло прошел в главное помещение усадьбы, его люди уже сидели за столами, с жадностью поглощая дымящуюся овсяную кашу с селедкой. С некоторым удивлением Ролло обнаружил среди них своего младшего брата Атли. Это был худенький десятилетний мальчик с бледный лицом и синими, как у Хильдис, глазами. Он был болезненным от рождения, и Регнвальд не раз уже имел повод пожалеть, что, когда мальчик родился, его не отнесли в лес на смерть. Все знали, что по ночам Атли задыхается, что слаб и болезнен и,

что из него ни когда не выйдет настоящего воина. Регнвальд стыдился такого сына. А вот Ролло наоборот привязался к хилому братишке, и мальчик искренне отвечал на чувства своего блистательного старшего брата. Однако сейчас Ролло был несколько озадачен, увидев его здесь и выразительно поглядел на мать.

Хильдис поставила перед ним тарелку с кашей и произнесла:

– Я хочу, чтобы ты забрал Атли с собой. Ты сможешь отвезти его в Упсалу,¹² где вещи женщины сумеют вылечить моего младшего сына. Если же не смогут... Что ж, Атли явно никогда не станет воином, зато с его светлой головой и чутким сердцем из него выйдет жрец или предсказатель в одном из святилищ наших богов.

Ролло, однако, выразил недовольство. Отправлять мальчишку с ним, изгнанником, которого, наверняка станут преследовать?... Разумно ли это? Не лучше ли его матери послать Атли в Упсалу с кем-то другим?

Хильдис вздохнула:

– Видят боги, что я словно разрываю свое сердце, стремясь в одночасье расстаться с тобой и малышом. Но разве ты запамятовал, Ролло, что Регнвальд уже дважды порывался убить младшего сына, которого он считает позором для себя?

Ролло нечего было на это возразить. Его мать была мудрая

---

¹² Упсала – центр языческого культа скандинавов на территории Швеции.

женщина, и она понимала, что Атли не прожить и месяца в этих краях, если он лишится защиты старшего брата. И он лишь искоса поглядел туда, где сидел мальчик. Атли был худ, иссиня-бледен, да и выглядел гораздо младше своего возраста. Красивым его тоже нельзя было назвать, скошенный подбородок, выступающий нос, глубоко сидящие глаза. А вот умом Атли боги не обидели. Сейчас, глядя на мать и старшего брата мальчик явно понимал, что решается его судьба, и вся его хрупкая фигурка и встревоженный взгляд выражали беспокойство. И прежде чем принять решение, Ролло улыбнулся Атли – и сейчас же понял, что возьмет мальчика с собой, таким ясным радостным светом озарилось лицо младшего сына Хильдис. Ролло почувствовал себя не в силах разочаровать братишку: ведь его улыбка послужила как бы обещанием, а Ролло готов был надуть хоть весь белый свет, но только не тех, кто ему доверился.

Хильдис заметила этот обмен взглядами и облегченно вздохнула.

– Хвала мудрым норнам¹³ плетущим судьбы людей, что они дали мне двух таких сыновей. И не думай, Ролло, что брат будет тебе в тягость. Я видела вещий сон и знаю – судьба Атли будет благотворно влиять на судьбу моего великого Ролло.

Они какое-то время молчали. Мимо прошла рабыня, неся горшок с углями для жаровни. Хильдис наблюдала, как та

---

¹³ Норны – богини судьбы.

прошла за полог из шкур в боковую клеть, где отдыхала Снэфрид. И женщина невольно нахмурилась. Снэфрид Лебязьебелая, таинственная женщина с темным глазом. Не о такой спутнице для сына мечтала мать: Белая Ведьма из неизвестного рода, хитрая и замкнутая, сделавшая гордого конунга Харальда мягким как воск в своих руках. Люди говорили, что она зачем-то скупает у бедняков новорожденных детей, что не боится ночью уходить в одиночку в лес или гулять в полнолуние у могильных камней. Сколько ей лет? На вид она молода, но такое горькое знание жизни, такая зрелая мудрость таятся в её разномастных глазах...

Хильдис не сразу заметила, что сын наблюдает за ней. И сжала его руку.

– Ты хоть любишь ее, Рольв, или это только месть?

– Разве Снэфрид недостаточно хороша, чтобы ее полюбить?

Он улыбался. Улыбка у него была дерзкая, веселая, совсем еще мальчишеская. Хильдис подумала, что в начале следующего лета Ролло исполнится девятнадцать. Самая пора, чтобы взять себе жену.

– Во всяком случае, – неожиданно для себя молвила Хильдис – если эта женщина ради тебя отказалась стать королевой всей Норвегии – она должна сильно тебя любить.

Насытившись, Ролло вытер тыльной стороной руки губы и рыгнул.

– Да, она меня любит. – Он опять улыбался своей дерзкой

улыбкой. – Однако кто сказал, что я не сделаю Снэффрид королевой любой земли, какую выберу для себя? А Лебязьебелая не так глупа, чтобы отказаться от короны ради простого изгнанника. Да будет тебе известие, мать, что Снэффрид первая предсказала мне великое будущее. И я не сгину, не уйду в чертоги Одина до тех пор, пока не стану великим правителем, пока моя слава не прогремит громче славы Рагнара Кожаные Штаны! И пока я не завоюю себе столько же земель, как мой истинный отец – великий Ролло Пешеход.

Он сиял, и мать любовалась им. Да, поистине она должна гордиться, что родила такого сына! Он очень похож на того, другого Ролло, из-за которого она едва не погубила себя.

Ролло был так же невероятно могуч, как его настоящий отец, но при этом поджар и статен, каковым Ролло Пешеход не бывал и в лучшие годы жизни. К тому же при высоком росте, широком развороте плеч и развитых мышцах он был гибок и быстр, как кошка. У Ролло было удлиненное лицо с высокими скулами, шея словно колонна, квадратный подбородок и чувственные губы. Длинные русые волосы схвачены вокруг лба кожаным ремешком. Глаза светло-серые, как туман, глубоко посаженные под мощными надбровными дугами, четкая линия прямого носа... Нет, незаконнорожденный сын женщины-скальда Хильдис, хоть и походил на того, кому она отдалась девятнадцать лет назад по порыву сердца, но гораздо краше его. Боги были милостивы к ней, и она, вынужденная разлучиться с возлюбленным, получила другого

Ролло, гораздо лучший слепок, чем был сам оригинал.

Обо всем этом Хильдис думала поздно ночью, когда уже все улеглись, а она тихо сидела в ногах ложа сыновей. Маленький Атли спал, дыша хрипло и тяжело, как всегда. Ролло же лежал, прикрыв согнутой рукой лицо, и Хильдис не знала, спит он или нет. Он всегда дышал ровно, глубоко и бесшумно, как птица. Сама же она знала, что не заснет. Её последняя ночь с сыновьями... Что ж, – горлинка выводит птенцов, чтобы они улетели... И все-таки слезы текли и текли по её щекам.

Ролло не спал. Он слышал прерывистое дыхание матери, ощущал её запах, её тепло. Так было еще со времен его детства, когда она приходила, садилась подле него и тихо лила слезы. Маленьким, проснувшись, он тоже начинал плакать, но позже научился притворяться спящим, а потом привык. Сейчас же в груди у него все разрывалось. Рано привыкший к дальним походам, к долгому пребыванию вдали от дома, он не думал, что ему так тяжело придется в последнюю ночь.

Еще несколько часов назад все его мысли были о поджидавших его во фьорде кораблях, о тех соратниках и друзьях, кто примкнул к нему, не пожелав подчиниться Харальду и предпочел изгнание – о Кетиле, Олафе, Мезанге, Лодине и других, кого он либо знал с детства, либо сошелся в викингских походах. Он ждал часа, когда подставит ветру полосатый парус и, разрезая волны, поплывет искать предсказанное ему королевство. Но теперь, когда его мать беззвучно

плакала, он вдруг понял, что какую-то частицу себя он навсегда оставит в Норвегии. И сейчас, в дремотной темноте длинного дома, под тихое всхлипывание матери и дружный храп своих дружинников, он молча глядел на выползающий сквозь отдушину в крыше дым и вспоминал...

Ролло всегда был нелюбимым сыном Регнвальда из Мёра. Тот, кого он так долго считал своим отцом, был всегда груб, даже жесток с ним. Как и с его матерью. Он даже злился на нее на само имя, каким она нарекла своего первенца, хотя это имя и встречалось в их роду – так звали отца самой женщины-скальда. Второму же сыну он сам дал имя – Торир. И именно Торир, позже получивший прозвище Молчун, и был любимцем Регнвальда. Разница, с какой ярл относился к братьям, была столь очевидна, что Ролло с детства чувствовал себя обделенным. Возможно, это и повлекло за собой, что он стал таким неуправляемым и вспыльчивым. Но старые викинги, поглядывая на него, со знанием дела вспоминали старую пословицу: «Орел кричит рано».

То есть характер будущего «короля моря» определился еще тогда. Однако сам ярл Регнвальд никогда не радовался проделкам первенца. Особенно когда тот волчком вгрызался зубами ему в руку или разбавлял пиво в дорожных бурдюках ярла козлиной мочой. И ни наказания, ни порка (Ролло еще пуще обозлился на отца, который посмел сечь его на глазах рабов) не могли усмирить непокорного ребенка.

По распространенному обычаю, родители зачастую отдавали сыновей на воспитание в чужие семьи. Вот и Регнвальд, едва сыну минуло семь зим, отвез его в усадьбу одного старого берсерка¹⁴ по прозвищу Кведульв. После этого почти шесть лет Регнвальд не интересовался Ролло. Хильдис несколько раз присылала гонцов, беспокоясь за первенца, но сама не смела послушаться мужа и навестить его. И вот, когда по истечению семи лет они прибыли в усадьбу Кведульва, им навстречу вышел пригожий рослый подросток, при взгляде на которого у Регнвальда глаза словно окаменели, а сердце Хильдис едва не выпрыгнуло из груди. С ними был и Торир, причем Ролло во все глаза глядел на роскошный меч младшего брата. Лицо его даже вспыхнуло румянцем, и, едва они с отцом обменялись положенными приветствиями, как парень тут же заявил: раз меч у самого Ролло никудашный, то Регнвальду наверняка стыдно, что его первенец не имеет оружия, достойного сына ярла. От такой наглости Регнвальд даже опешил. Но, когда любивший паренька старый Кведульв стал смеяться и хвалить Ролло, тоже скривил губы в улыбку, пытаясь свести все к шутке.

Однако отношения меж ярлом и тем, кого называли его сыном, не стали лучше. Он даже не радовался выслушивая похвалы, какими осыпали мальчишку Кведульв, проро-

---

¹⁴ Берсерк – свирепый воин, на которого в битве находит иступление, он воет, как зверь, кусает собственный щит и сражается со сверхъестественной силой. Даже сражаясь без успехов, берсерки зачастую не получали ран.

ча Ролло будущее великого викинга, «короля моря». И хотя священное бешенство воина Одина не просыпалось в паренке, однако он умел сражаться и наслаждаться схваткой, биться на мечях, секирах, с железной палицей или с длинным ножом, используя в борьбе, не только руку с оружием, но и все тело, всю гибкость, ноги, зубы, все страстное желание победить любой ценой. Особенно радовало, что Ролло – левша, и мало кто в состоянии выдержать его сильные, необычные, направленные с неудобной для противника стороны удары. Одновременно берсерк Кведульв научил подростка пользоваться и правой рукой, что делало мальчика особенно искусным воином. Он с гордостью заявил Регнвальду, что за его мальчишкой числится уже трое убитых врагов, причем последний – шестнадцатилетний крепкий паренек, уже побывавший в викингском походе. Заметив, что Регнвальд хмурится, Кведульв лишь засмеялся, хлопая его по плечу:

– Орел кричит рано, Регнвальд. А за убитых тебе не придется платить виру,¹⁵ так как по закону убийство, совершенное отроком до шестнадцати лет, считается всего лишь несчастным случаем.

Но Регнвальд все одно держался хмуро и неприязненно с сыном, однако Ролло уже не испытывал при этом болезненного чувства обделенности, как ранее. Здесь, в усадьбе Кведульва, прислушиваясь к тому, что болтает челядь или о чем

---

¹⁵ Вира – денежное возмещение за убийство.

переговариваются, поглядывая на него, домочадцы, он вдруг понял, что многие не считают, что он родной сын Регнвальда из Мера. А так неподходящая Ролло нелепая кличка Пешеход – а ведь он был едва ли не лучшим наездником в околотеке – по сути, принадлежит не ему, а кому-то другому, на кого он поразительно похож. Вскоре он узнал, кто такой этот Ролло Пешеход, знатный викинг, владелец островов у берегов Норвегии, сын ярла Бычьего Торира, который прославился своими походами и даже основал свои земли на севере королевства франков.

И однажды, когда они гуляли с матерью вблизи усадьбы, а Хильдис не сводила с сына сияющих глаз, он вдруг напрямик спросил её о своем настоящем отце.

Хильдис остановилась так резко, словно налетела на стену. Даже висевшие у нее на поясе ключи хозяйки поместья жалобно звякнули. Её старший сын спокойно смотрел на нее, держа на руках своего младшего брата – Атли. Он тогда только недавно впервые увидел его, и с этим ребенком у Ролло сразу же возникла братская привязанность – в отличие от его отношения с Ториром Молчуном. Можно было только удивляться, почему бешенный Ролло пользовался таким доверием и симпатией у женщин и маленьких детей. Сейчас же Атли, разморенный полуденной тишиной, сладко дремал, положив белокурую головку на плечо старшего брата.

Ролло выжидательно смотрел на мать. Хильдис вздохнула. Она была мудрая женщина и дорожила доверием сына,

однако рассказ её был краток и скуп.

– Ты не должен придавать этому слишком много значения, Рольв. Я любила этого человека, я сама возжелала его любви, хотя он был старше меня и уже имел одну жену. Потом он уехал, я молчала и мой отец ударил по рукам с Регнвальдом. И учти – хотя Регнвальд и довольно скоро понял, что ты не его дитя, он не велел меня растерзать лошадьми как неверную жену. Поэтому я все эти годы стараюсь быть ему доброй супругой, а ты должен и далее оставаться почтительным с ним и не забывать, что по всей земле фордов его считают твоим отцом. А тот другой... Не думай больше о человеке, который пренебрег твоей матерью, когда она носила тебя под сердцем.

Ролло так и поступил – старался спокойно сносить грубость и придирки отчима. Но однажды все же бросился на него с ножом, доведавшись, что Регнвальд, несмотря на слезы и мольбы жены, велел отнести Атли во время одного из приступов удушья к скалам во время отлива, рассчитывая, что возвращающийся прилив навсегда избавит его от хилого отпрыска. После этого случая Ролло больше не жил с отчимом под одним кровом. Он вернулся с семьёю Кведульва и вскоре ушел с сыновьями того в поход в Восточные моря. После удачного набега на земли вендов они повезли захваченные товары на торжище в Хедебю, в Дании. Это было в осеннее время, когда там происходили самые крупные ярмарки. И здесь молодой Ролло впервые встретил своего отца

– Ролло Пешехода.

Сын Хильдис в ту пору был уже довольно наслышан о нем. Пешеход был знаменит. Он совершал набеги на Фризские берега и Лотарингию, воевал в Ирландии и Англии. Участвовал он и в большом походе викингов на Париж. И, говорят те земли ему столь приглянулись, что когда его сотоварищи уже отступили от столицы франков, Ролло Пешеход остался со своими людьми на побережье этой земли, причем настолько там обосновался, что этот край стали называть Нормандией – землей северных людей.¹⁶ А столицу края, древний Ротомагус местные жители переименовали на Ру-Хам, то есть усадьба Ру, как они величали Ролло, или попросту Руан. Да все знали, что Ролло Пешеход стал правителем. Но он не забывал и своей прежней родины и порой навещался сюда на торги. Вот так однажды он и встретил в Хедебю юношу, удивительно похожего на него в молодости.

Но первым его заметил сын Хильдис. Он увидел в толпе могучего викинга, возвышавшегося даже среди других высоких воинов. Еще он был очень широк в плечах, да и мощь его бедер и груди вряд ли можно было приписать тучности. Богатая серебристая кольчуга бугрилась под напором мышц, а на длинных русых волосах плотно сидел чеканный обруч с широким наносьем. И хотя наносье частично скрывало черты его лица, Ролло тотчас понял, что перед ним его настоящий отец.

---

¹⁶ Нормандия – от North manns – северные люди.

Пешеход тоже почувствовал взгляд юноши и медленно повернул голову. Его серые глаза испытующе взглянули на стоящего перед ним юного викинга. И вдруг невозмутимое лицо Пешехода дрогнуло, а подбородок нелепо отвис. И Ролло с каким-то тайным удовольствием прочел ужас на лице того, кого прозвали непобедимым Ру. Какое-то время они глядели друг на друга. Вокруг установилась тишина, и многие из присутствующих так же недоуменно воззрились на двоих, столь сходных обликом людей. Затем молодой Ролло повернулся и неторопливо зашагал проч.

Вечером Пешеход сам отыскал его в одной из харчевен Хедебю. Ролло был уже изрядно навеселе, благодушно настроен и ничего не имел против, когда Пешеход поставил перед ним кружку с пивом.

– Я принял тебя за фюльгию¹⁷ и решил, что близится мой час встречи с Одином. Но бывший сегодня со мной мой кормчий Кетиль сказал, что будет лучше, если я переговорю с тобой.

Ролло с важным лицом кивнул. Его мальчишеская напыщенность могла бы показаться забавной знаменитому викингу. Но он оставался серьезен. Какое-то время разглядывал юношу и наконец, спросил:

– Как имя твоей матери?

Ролло почувствовал, что в нем закипает кровь. Этот мед-

---

¹⁷ Фюльгия – в скандинавской мифологии дух-двойник, какой является человеку перед смертью.

ведь шатается по всем пределам Мидгарда¹⁸ и оставляет повсюду своих бастардов, а о его матери забыл начисто!

– Я сын той женщины, из-за которой тебя бы оскостили, если бы кто узнал, что ты посягнул на дочь свободного ярла.

И тогда лицо Пешехода выразило печаль, и он тихо произнес имя матери Ролло.

Если бы он этого не сделал, сын продолжал бы ненавидеть его. Теперь же он попросту растерялся. И тогда Пешеход сам заговорил о Хильдис, заявив, что для него полнейшая неожиданность то, что дочь Рольва Носатого родила от него ребенка. Он считал её эльфом, солнечной девой, избалованной дочерью могущественного вождя. Которая бы никогда не смирилась быть всегда второй в его доме. Ведь у него была уже в то время достойная супруга и почти взрослая дочь... Но сама Фрейя¹⁹ вскружила ему тогда голову, ибо как иначе он посмел бы лишить девства девушку из знатной семьи. Неустанно думая о ней, именно из-за нее он покинул на столько лет Норвегию. Ибо ему было предсказано, что он погибнет от руки той, которую полюбит.

Ролло даже рот открыл. Да такого предсказания стоит опасаться! И сейчас, глядя на сидящего перед ним прославленного «короля моря», он думал о том, что для викинга нет ничего позорнее, чем смерть от руки женщины. Выходит, его отец был прав постаравшись избегнуть такой участи.

---

¹⁸ Мидгард – этим словом викинги называли земной мир.

¹⁹ Фрейя – богиня любви в скандинавском пантеоне.

А Пешеход все расспрашивал и расспрашивал о Хильдис. Потом принялся рассказывать о себе. В его словах не было цветистости скальдов, но говорить он умел. Ролло невольно узнавал в нем себя. Он тоже не владел божественным даром поэзии, как и не мог вызвать у себя священную ярость берсерка. Наоборот, в стычке он становился собран и хладнокровен, хотя и умел насладиться красотой поединка.

Они проговорили до утра, пока Пешехода не отыскал его кормчий Кетиль. Пешеход тут же предложил столь неожиданно обретенному сыну отправиться с ним в его владения в северной Франкии. Но Ролло, сразу сделавшись угрюмым, отказался. Ему было хорошо вот так, первый раз в жизни по душам поговорить с человеком, который был его истинным отцом, но плыть с ним он заставить себя не мог. Это было бы все-таки предательством по отношению к Хильдис. К тому же, плыть с отцом, означало попасть под его опеку. А Ролло считал, что настоящий «король моря» должен полагаться лишь на себя в этой жизни.

Пешеход с какой-то печальной гордостью поглядел на сына.

– Что ж, ты волен в том, плыть со мной или нет, как и волен решать, станешь ли звать меня отцом. Но об одном я тебя прошу.

Он извлек из-за пояса длинный нож с рукоятью из бивня моржа. Его лезвие было из голубоватой стали, а у самой крепостины рукояти была выточена руна «ридер».

– Отец должен дать своему сыну оружие, когда тот вырастет. Но, вижу, и меч и секиру ты уже добыл себе в бою. Возьми же от меня хотя бы этот нож. Это добрый друг, он принесет тебе удачу. Ибо этот клинок был освящен в Упсале, сам верховный жрец вывел на нем эту руну – начальную руну нашего с тобой имени. Храни же его в память обо мне.

Этот нож Ролло и показал матери, по возвращении домой. Хильдис слушала сына с жадностью. Потом внимательно осмотрела нож.

– Хороший, подарок, – спокойно сказала она. – «Ридер» означает путешествия и является хранителем в пути. Твой отец сделал хороший подарок сыну-викингу.

– Лучше бы он подарил мне меч. Видели бы вы, матушка, какое это оружие! Зовется он Глитнир – Блестящий – и сделан из лучшей стали тех племен, что поклоняются Аллаху.

Юноша был готов еще долго говорить об этом оружии, но мать ласково взъерошила его волосы:

*– Ты о чем мечтаешь
Юный ас металла?²⁰
Иль забыл, что луч сражений²¹
Переходит к сыну
Только по наследству,
Лишь когда родитель
Унесен в Валгаллу?*

---

²⁰ Воин.

²¹ Меч.

Хильдис, как всегда, была права. И все же Глитнир достался Ролло.

Это случилось спустя три года после его встречи с отцом в Хедебю. К тому времени Ролло уже был прославленным «королем моря», известном во всех портах Восточного моря.²² Прославился он и как покоритель женских сердец и ярлу Регнвальду пришлось уплатить немалую виру трем отцам, дочери которых почти одновременно понесли от его пасынка, и даже ходила молва, что новая жена Харальда Снэффрид Лебязьбелая стала уделять молодого Ролло особым вниманием.

Именно в это время Ролло отыскал кормчий его настоящего отца Пешехода Кетиль Всезнайка. И протянул меч Глитнир.

– Твой отец поплатился преждевременной Валгаллой,²³ – только и сказал он.

– Как умер Пешеход? – спросил юноша.

– Когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

У Ролло вдруг защемило сердце. Давнишнее предсказание, из-за которого отец отказался от Хильдис... Что ж, нить судьбы, что плетут норны, человеку не дано изменить.

Он посмотрел на Кетилия.

---

²² Балтийское море.

²³ Валгалла – небесный чертог высших богов-асов, где вечно пируют души героев-воинов.

– Ты сказал «когда-нибудь». Означает ли это, что ты готов остаться со мной и служить мне, как служил ему?

Кетиль кивнул.

– Клянусь богами всех земель, где ступала моя нога, я готов служить тебе.

– Почему?

– Ты сын моего друга Пешехода. А еще ты похож на человека, к которому расположено счастье.

Для Ролло Кетиль стал подлинной находкой. Лучший кормчий, которого он когда-либо знал, мореход, знавший все течения, все ветра и приметы погоды, он умел ориентироваться по звездам, определять по полету птиц расстояние до берегов, а по оттенку прибрежных вод её глубину. С ним Ролло совершил свое самое долгое плавание вокруг Европы, а когда вернулся в Норвегию, то три его драккара²⁴ почти до бортов уходили в воду, полные добычи. Честь и слава, казалось, сами ищут молодого викинга. Но вышло, что его вынудили отдать часть добытого в качестве дани Косматому королю. Когда же он возмущился, ему поведали о победе Харальда в Хаврсфьорде и посоветовали не искушать судьбу и покориться. Но молодой Ролло не умел покоряться...

Заметив, что Хильдис задремала, Ролло привстал и накрыл её меховым покрывалом. Дом уже выстыл, угли длин-

---

²⁴ Драккар – длинный боевой корабль викингов с изображением драконьей головы на носу.

ного очага догорали, а небо в квадрате отдушина стало сереть. Близился рассвет, скоро закричат петухи и пора будет отправляться. Ехать придется так скоро, как только смогут их лошади...

Скачка и в самом деле была бешеной. Когда они достигли побережья, их кони были все в пене. Молодой скальд и друг Ролло Олаф вез на крупе своего коня Атли. Мальчик перед самым отъездом вдруг расплакался и все льнул к матери. Ролло и пристыдил бы его, да сам был вынужден нахлобучить шлем с низким наличьем, чтобы скрыть слезы – слабость для ярла, собирающегося покорить мир. А Хильдис не плакала. Казалось, её слезы иссякли за долгую ночь. Сказала только, напутствуя:

– Пусть вас хранят боги!

Со Снэфрид они не обмолвились ни словом. Ролло невольно нахмурился, когда понял, что будущая жена не желает поклониться его матери. Наоборот – она держалась вызывающе, а мимо Хильдис прошла, словно не заметив. Но сказать ей об этом не было времени. К тому же мудрые люди не даром говорят – безумен тот, кто захочет решать споры своих женщин.

Но сейчас, на побережье, Ролло не думал о женщинах. Он смотрел на двои длинные быстроходные корабли – драккары. Когда же они спустились и все было готово к отплытию, кормчий Кетиль принес положенную жертву морскому богу Эгиру – мех с пивом, овечье мясо и свинину. А финка

Снэфрид начертила в воздухе знаки могущественных рун, которых викинги не понимали и опасно косились на Белую Ведьму.

Когда люди взошли на корабль, Ролло не смог не ощутить тоски. Щурясь от солнца, он смотрел на покрытые снегом скалы, на сверкающий на солнце фьорд, на стройные ряды синих елей по берегам.

– Я никогда не вернусь, – выдохнул он, и морозное облачко слетело с его губ. – Но клянусь священной кровью Одина – мое королевство будет не хуже этих краев.

Он прошел на нос драккара и обнял резную драконью шею на носу судна. Его корабль двигался туда, где у входа во фьорд слепила глаза солнечная зыбь, убегая в открытый океан. Холодный ветер трепал длинные волосы Ролло. Он больше не оглядывался. Краем глаза замечал идущий рядом второй драккар, которым правил Олаф, видел, как равномерно вздымались и спускались стройные ряды весел.

К нему подошел Кетиль.

– Ты любимец богов, Рольв. Тебя провожает добрый день, а удача в погоде – лучшая из удач, что ожидают викинга.

Он ударил в било. Бычья кожа, натянутая на громадную бадью, издавала резкие густые звуки, задавая ритм взмахам весел. Поставили мачту, и вскоре порывистый северный ветер встретил их при входе в океан.

К Ролло приблизился младший брат.

– Рольв, я не хочу оставаться в палатке с твоей женщиной.

Ролло обнял Атли за плечи. Оглянулся на шатер из тюленьих шкур у мачты, куда сразу же после выхода в море удалилась Снэфрид.

– Что ж, если тебе хорошо здесь, на ветру...

– Да, мне хорошо здесь. Я с тобой, брат. И мне нравится плыть.

А Ролло размышлял только о том, что из груди Атли не слышны обычные хрипы, и этот всегда тихий болезненный ребенок, выглядит румяным и бодрым.

– Пусть хранят тебя боги, мой Атли. И если море с его ветрами пойдет тебе на пользу – я готов оставить тебя с собой...

И все же Ролло помнил обещание, данное матери, – побывать с младшим братом в священной Упсале. Но попали они туда далеко не сразу. Ибо сперва были походы и набеги, схватки и победы. Ролло прославился. И однажды его друг Олаф, которого за щегольство прозвали Олаф Серебряный плащ, сочинил в честь молодого предводителя такую вису:

*– Слава летит раньше Ролло,
Громкое имя у ярла.
Гордый даритель злата²⁵
Правит драконом мачты.²⁶
Смелых героев кличет в поход
Любимец великого Бога.*

---

²⁵ Предводитель.

²⁶ Корабль.

Удача, казалось, повсюду сопутствовала Ролло. Но он не был так прост и редко когда плавал наобум, надеясь только на милость богов. Он изначально визнавал о землях, где хотел испытать себя, зачастую засылал на берег лазутчиков, визнававших чем хороша та или иная земля, как ее стерегут, изучали береговую линию, характер приливов, высматривали удобные места для высадки. И только получив все вести, Ролло начинал набег. Его длинные ладьи появлялись словно из неоткуда и люди бежали в панике, при виде его полосатых парусов.

Однако как бы ни был славен Ролло, его то и дела брала досада, что люди то и дело путают его с отцом, прозванным Пешеходом. Молодого викинга это раздражало: ему казалось, что слава родителя затмевает его собственную. Даже викинги, некогда знавшие старого ярла, попадали в заблуждение, видя внешнее поразительное сходство молодого Ролло с отцом, и оставались уверенными, что это тот же самый Пешеход, любимый богами настолько, что они дали ему отведать молодящих яблок богини Идун Юной. Ролло сердило это, но он был вынужден смиряться. Ибо иначе ему бы пришлось открыть, какой жалкой, позорной смертью умер его отец.

Кетиль Всезнайка уже давно поведал ему об этом.

– Дело было в земле франков, в городе Байе. Правил там граф Беренгар и это был достойный воитель. Пешеходу лишь

со второго набега удалось завладеть Байе и, конечно же, он сразу убил Беренгара. И взял себе на ложе его жену графиню Пипину. И что он нашел в ней? В мире есть много женщин красивее её, но тогда твой отец словно обезумел от нее. Он возжелал её любви столь сильно, что был даже готов жениться на ней, сделать своей хозяйкой в Байе и остальной Нормандии. Какая женщина не польстится на подобное? Власть, богатство и надежная защита прославленного мужа! Однако, когда в ночь после брачного пира Пешеход уединился с Пипиной в спальне, она убила его, вонзив в его плоть его же сверкающий Глитнир.

Твоего отца мы обнаружили уже умирающим. Пипина же исчезла. И как бы мы не разыскивали эту тварь, но её словно спрятали эльфы... или тролли. Вот так твой родитель и умер неотомщенным... Последнее же его слово было о тебе. Я знаю, Рольв, вы почти не знали друг друга. Но ты словно он. И должен плыть в Нормандию. Это земля Пешехода и ты, как его единственный сын и наследник, должен принять её. Как принял Глитнир. Ведь сейчас там нет настоящего господина и христиане-франки вновь стали называть её старым именем – Нейстрия,²⁷ а не именем северных людей норманнов. Но, если там вновь появится Ролло Пешеход, земля вновь получит своего господина.

– А ты, Рольв, сам станешь Ролло Пешеходом, – неожиданно раздавался сзади тихий, мурлыкающий голос. – И

---

²⁷ Старое название северо-французских земель.

больше никогда не будешь самым собой.

Кетиль пробормотал в бороду ругательства и оглянулся на Снэфрид. Подходит неслышно как тень. И Кетиль сделал знак, предохраняющий от темных сил. Проклятая финская ведьма! Она словно чуяла, когда Кетиль начинал заводить с Ролло речи о возвращении в нейстрийскую Франкию. И тут же возникала рядом, глядела своими узкими разноцветными глазами. Кормчему казалось, что Снэфрид словно поставила целью не допустить Ролло принять наследство отца. Гаданиями ли, уговорами, ласками – она подчиняла его, заставляя всякий раз плыть прочь от земель Франкии.

По сути Кетиль не ошибался. Снэфрид Лебязьебелая умела гадать и предсказывать будущее, и она поняла, что там подле Ролло рядом будет другая. Во время обрядов, в дыму испарений над жертвами Снэфрид даже могла различить её силуэт – красноволосяя, кружащаяся, в прозрачной короне... такой она ей являлась. Нет, Снэфрид не за что не допустит до этого. Она считала себя достаточно изощренной, чтобы противиться нити судьбы своей норны.

Поэтому финка вновь и вновь опаивала Ролло любовными зельями, предсказывала ему удачу в походах, сражалась рядом с ним, плечом к плечу, давала мудрые советы, заслуживая его уважение и приязнь. И она, несмотря на все старания Кетилия, подчиняла себе дерзкого Ролло. Как и его людей, почитавших её и как ведьму и как предводительницу. Ибо за годы их скитаний Снэфрид стала настоящей воитель-

ницей. Она часто сходила с воинами на берег с драккаров, принимая участие в набегах. Причем была дерзка, отважна и решительна, как настоящая валькирия.

Ролло даже дивился её неожиданной силе. И восхищался её красотой. Ибо ни битвы, ни кочевая жизнь не сказывались на красе его Лебязьебелой. Ролло забавляло, что его викинги побаиваются её, как и раздражало, когда её называли ведьмой. Сам он её ведьмой не считал. Зато знал, как сильно она любит его, эта загадочная сладострастная Снэффрид. И все же один раз и он чуть не засомневался в ней, едва не испугался её.

После очередного успешного набега на берегах Рейна, Ролло заметил, как Снэффрид удалилась в одну из отдаленных хижин, неся под мышкой сверток с плачущим младенцем. Он не сразу последовал за ней, занятый дележом добычи. Когда же, спустя некоторое время, он вошел под кров уединенного строения, то замер, обнаружив при свете пылающего очага, как Снэффрид склонилась над трупом младенца со вспоротым животом.

– Во имя всех богов Асгарда!..²⁸ Что ты делаешь, жена?

Снэффрид отвела упавшие на лицо волосы. Их светлые волнистые пряди были испачканы кровью. Её руки по локоть и даже лицо так же были в крови.

– Разве тебе не ведомо, Рольв, что ничто так верно не предвещает будущее, как внутренности и потоки крови че-

---

²⁸ Асгард – небесный чертог, в котором живут боги скандинавов.

ловеческой жертвы?

И, видя, что викинг по-прежнему потрясенно молчит, недоуменно повела плечом.

– Я знаю, что тебе, Рольв, близки взгляды Альвера Детолюбца.²⁹ Но пойми – это дитя, лишившись родных, все равно бы погибло. А мне была необходима жертва, чтобы заглянуть вперед.

Она хотела еще что-то добавить, но умолкла, заметив выражение холодного бешенства на лице мужа.

– Если я еще раз доведаюсь, что ты губишь младенцев, Снэфрид, я забуду о том, как много места ты занимаешь в моем сердце.

Он вышел, а финка еще какое-то время оставалась сидеть неподвижно с отрешенным выражением на лице. Потом негромко, лишенным интонации голосом произнесла в пустоту:

– Я подчиняюсь твоей воле, муж мой. Но знай и ты – пока ты следуешь избранному мной для тебя пути, твое сердце принадлежит мне, как нож за голенищем моего сапога.

Да, Снэфрид была уверена в любви Ролло. И хотя в походах он нередко развлекался с красивыми женщинами, казалось ей неведомо, что такое ревность. Она словно с ленцой наблюдала за его мимолетными увлечениями и все эти кра-

---

²⁹ Альвер детолюбец – викинг IX в. Прозан так за то, что запретил соблюдать распространенный среди викингов обычай – подбрасывать детей побежденных и ловить их на острие копья.

сивые пленницы не казались ей соперницами. Только одна – та, что она видела в видениях... А пока ни одного упрека не слетало с её уст, когда Ролло, оставив даже самых роскошных наложниц, спешил вернуться к своей валькирии. И их ночи – в палатке ли на корме драккара или на мягких ложах в захваченных ими усадьбах – были полны страсти и огня, как в их первое их свидание, когда Снэфрид первая обняла того, кто не убоился даже гнева конунга Норвегии.

По прошествии четырех лет Ролло выполнил обет, данный матери и отвез младшего брата в храм Упсалы. Атли за это время вырос, но так и не стал викингом, предпочитая оставаться на драккаре, когда другие отправлялись в набег. Он не выказывал себя трусом, когда пару раз на драккары нападали с берега, храбро держался и во время морских сражений. Но при дележе добычи его глаза никогда не загорались при виде золота.

Когда же Ролло спросил, хотел бы Атли, как желала их мать, стать жрецом в Упсале, юноша лишь пожал плечами. Но старшего брата волновало, что у Атли порой вновь случалась одышка, он начинал кашлять, а порой Ролло замечал, как на рукаве Атли, когда он прикрывал рот, появлялись кровавые пятна.

В великом святилище в Упсале Ролло отвел брата к жрицам Фрейи, славившихся своим умением предсказывать будущее. И вот, среди священного дыма жертвенников, под

звуки песнопений и заклинаний, главная жрица прорекла, что судьбы сынов женщины скальда должны быть неразделимы и что старшему из них лучше лишиться руки, чем оставить младшего брата.

– Ты разгневаешь своих духов-хранителей, герой, если разлучишься с тем, кто вольно или невольно поможет тебе избавиться от чар. Вы, как колчан и ножны, должны всегда быть рядом, – напевала впавшая в транс дородная жрица, и Ролло не мог разглядеть её лица под спутанной гривой седящих волос. – Ты не должен отпускать того, кто единственный не подвластен силе колдовства. Доверься ему, слушай его, храни его. Брат поможет брату! И тогда ничто не собьет тебя со славного пути, намеченного богами!..

Пророчица умолкла, все так же раскачиваясь в отрешенном забытии. Выждав немного и решив, что их время истекло, братья стали пятиться к выходу. Но едва Атли поднял вышитый полог и вышел, как жрица глухо и тревожно окликнула Ролло.

Викинг замер, и даже некоторые из распевавших заклинания жриц изумленно умолкли. В Упсале считалось событием, когда Пророчица называла пришедшего по имени. И вот женщина откинула волосы с лица. Оно конвульсивно подергивалось, белая пена пузырилась на губах.

– Ты великий конунг, Ролло, – раскачиваясь пропела пророчица. – Ты сеятель, от которого протянутся гибкие стебли, которые станут мощным деревом. Ты достигнешь могу-

щества и от тебя пойдет род героев и королей. И память о тебе останется на века, о Ролло, великий конунг, великий конунг!.. Плыви же по ветру, плыви по ветру, подчинись тому, куда приведет тебя судьба...

Женщина стала заваливаться на спину, ноги её бились в судорогах. В храме кто-то истошно закричал. Ролло же поспешил наружу из дымного помещения. С одной стороны он был смущен и напуган, а с другой – им владела безудержная эйфория. Такое предсказание в самой Упсале!..

И он велел немедленно выходить в море. Ему сказали плыть по ветру – так чего же мешкать!

Несколько опрометчиво поддаваться первому порыву. И не слушать, что советует умудренный опытом кормчий Всезнайка. А тот показывал на хмурое небо, говорил о неблагоприятных в этот сезон течениях... Но подчинился своему молодому предводителю.

Сильный ветер гнал их все больше на запад. Наконец решили, что следует пристать к берегу и пополнить запасы продовольствия и воды. Но тут судьба проявила себя во всей мощи. Налетел неожиданно такой ветер, что даже Кетиль не смог подвести корабль к берегу, опасаясь разбить его о скалы или посадить на мель. Лишь на исходе бурной недели, полной свиста ветра и пенных водяных гребней, когда люди на драккарах Ролло уже стали падать от усталости, наконец наступило затишье и они свернули к темнеющей впереди земле.

Не так-то просто было и определить, где они находятся. Они высадились на берег среди песчаных дюн, за которыми виднелись безлюдные, уходящие к горизонту пространства с зарослями ивняка и колючих кустарников, карабкающихся на холмы.

– Что это за земля? – спросил Ролло у Кетиля.

И старый морской волк, сверкнув в улыбке зубами, указал на большой каменный крест на холме:

– Смотри Ролло. Эти кресты много лет назад поставлены императором франков Карлом Великим, дабы охранять эту землю от северных героев. Но наши боги оказались сильнее их крестов, и здесь викингам всегда сопутствовала удача. Разве ты не видел подобных крестов на берегах фризков и на Рейне? А эти... О, Ролло сын Ролло, наконец-то ты ступил на землю, которая так долго тебя ждала!

– Нет! – почти закричала Снэфрид, и Ролло вздрогнул, ибо никогда не слышал, чтобы его жена повышала голос вне битвы. Сейчас же он прозвучал резко и визгливо.

– Нет! – снова повторила она, но уже тише, и умоляюще взглянула на мужа. – Уплывем отсюда, Рольв. Роди нашей любви, ради всех богов Асгарда, уплывем!

Её белое лицо словно светилось во мраке. Ветер бросал пряди волос на разномастные глаза. Она сделала жест рукой – то ли убирая волосы с лица, то ли вытирая слезы. Ролло замер: Снэфрид и слезы?.. Такого он и вообразить не мог. Хотя... Не показалось ли ему? Но все же он был растроган.

– О, Снэфрид...

– Прикуси-ка свой язык, белая сука! – внезапно вспылил Кетиль. – Разве не ты советовала нам довериться судьбе? Теперь же ты визжишь, словно знаешь, что твои колдовские чары здесь бессильны. Долго же ты водила нас всех за нос! Но не тебе, волчья наездница³⁰, идти против воли богов. Клянись молотом Тора, будь моя воля, тебя бы давно забили камнями как колдунью, надев притом мешок на голову, чтобы ты, нечисть, никого не сглазила!

Стычки между Кетилем и женой ярла случались и раньше, но обычно Снэфрид держалась с таким ледяным достоинством, что ругающийся кормчий, как правило, сам превращался в мишень для насмешек. Но теперь в женщину словно вселился злой дух. Она закричала, что проклятый Кетиль специально завлек их на этот берег, а в следующий миг уже вцепилась в заплетенную косой бороду кормчего и рванула её с такой силой, что старый викинг мешком повалился ей в ноги. Однако уже через минуту он сам опрокинул её затрепачиной, и вскоре они покатались по земле под громовой хохот викингов. Если бы Ролло и Олаф не растащили их, оба схватились бы за оружие.

– Чтоб тебя сожрали немочи и хвори! – проклинала, вырываясь из рук Ролло, Снэфрид. – Чтоб ты мочился кровью и спал среди прокаженных! Чтоб ты умер от руки ребенка или женщины!

---

³⁰ Ведьма.

Пощечина Ролло свалила Снэфрид на песок.

– Успокойся! Опомнись, Снэфрид! Ведь уже завтра ты будешь жалеть о своих словах. Ты ведешь себя, как женщина раба, а не ярла. Будь же разумна и пойми, что мы не можем сейчас снова выйти в море. И это верно, как судьба.

– Судьба... – тихо повторила Снэфрид. Ветер бросил ей на лицо светлые волосы, и Ролло не видел бешеной злобы, исказившей её черты.

Он молча пожал плечами и отправился взглянуть прочно ли закреплены у берега драккары. Кетиль, хмурясь, уже раскладывал у костра провизию, пил, чтобы успокоиться, из меха³¹ вино, которое всегда предпочитал пиву. Весельчак Олаф посмеивался:

– Не знаю, что это за земля, но здесь весело.

И тут же принялся сочинять вису о битве девы и старого кормчего. Однако Ролло велел ему заткнуться. Он молча поглядывал то на сидевшего у костра Кетилия с расцарапанным лицом, то в сторону дюн, куда удалилась разгневанная Снэфрид. Оба они были дороги ему, и он глубоко сожалел, что и жена, и старый друг выказали себя такими глупцами.

Вскоре Ролло немного отвлекся, когда двое викингов притащили к костру обнаруженного неподалеку отшельника-христианина. Тот был перепуган, воздевал к небу руки и что-то без умолку лопотал – молитвы, как понял Ролло, имевший опыт общения с христианами. Но старый отшель-

---

³¹ Мех – кожаный сосуд для жидкости.

ник вдруг замер, когда Ролло появился перед ним во весь свой исполинский рост, а потом вдруг назвал викинга по имени.

Ярл сначала опешил, но быстро понял, что его, как обычно, приняли за отца. Отшельник же вдруг принялся отчаянно креститься и что-то вопить. Ролло повернулся к Кетилю.

– Ты знаешь язык этих мест? Что он там мелит?

Кетиль засмеялся.

– Он говорит, что Ролло вернулся в эти края и берега великой реки Сены вновь омоются кровью. Поэтому он молит своего распятого Бога, чтобы тот забрал обратно в преисподнюю того, кого называют хозяином Нормандских земель.

Ролло хмыкнул.

– Хозяин Нормандских земель! Хорошо звучит... Хей, свяжите-ка его. Сейчас я хочу спать, а утром он понадобится, чтобы сказать нам, где здесь найдутся вода и пища нам в дорогу.

Кетиль, который сначала было заулыбался, вновь стал мрачнее тучи, однако сам скрутил веревками проливающего слезы отшельника.

А Ролло ушел в ближайшую рощу, где устало опустил голову на ствол поваленного дерева и вскоре спал так же сладко, как если бы покоился на сеновале или на перине из гагачьего пуха.

...И снился ему мерцающий благостный свет, к которому он шел по узкому ущелью между нависающих темных круч.

Свет становился все ярче, но не слепил, наоборот, – вселял радость и покой. И когда Ролло вышел из ущелья, он оказался в солнечном луче и увидел перед собой холм, на котором возвышался каменный крест Карла Великого. «Я знаю это место, – решил викинг. – Я был здесь, когда буря пригнала нас к этим берегам. Это страна, куда привел нас ветер, куда привела меня судьба».

Он слышал шум моря, видел чистое небо и парящих в нем чаек. И еще, словно музыка, звенела вода. Источник на холме играл и переливался, сбегая в круглый бассейн у подножия креста, искрился тысячью бликов, журчал мелодичными струями. А Ролло вдруг заметил, что сам он очень грязен, что кожа его покрыта коростой и невообразимо зудит. И тогда он вошел в воды источника под крестом и увидел, как сходит с него грязь, смывается запекшаяся кровь, затягиваются раны на теле. Сквозь чистые струи он видел себя и ощущал необычную легкость и блаженство. И еще – вокруг пели птицы. Их оперение было радужным, и Ролло откуда-то знал, что прежде они были черными воронами Одина, которые, как и он сам, коснулись кристальных вод источника. Они сменили оперение, а их хриплое карканье обратилось в нежное щебетание. Их пение радовало его, как и тепло, как и легкие струи искрящейся воды...

...Он открыл глаза и тут же зажмурился от ударившего с глаза яркого солнечного света. Продолжался ли его сон? Ролло было тепло под лучами солнца, он слышал щебета-

ние птиц в ветвях деревьев, где-то шумело море. Он встал и, отряхнув с себя песок, пошел туда, где его люди готовили на костре пищу.

– Почему вы не разбудили меня раньше?

Кетиль ответил, что посылал Атли, но парнишка заявил, что его брат так крепко и сладко спал, улыбаясь во сне, что он не хочет его будить.

– Мне приснился сон, – задумчиво сказал ярл. – Странный сон. Моя мать, Хильдис, обладала даром видеть вещие сны, и что-то подсказывает мне, что и мой сон был таким же.

Он повернулся и долго смотрел на каменный крест среди дюн. Сейчас он не был окружен сиянием, как в сновидении, наоборот, в рассеянном свете солнца было видно, какой он старый, потрескавшийся, замшелый, позеленевший от времени. И источника у его подножия не было. И все же Ролло был уверен, что это именно тот крест. С удивлением, словно заново узнавал место, он озирался вокруг. Небо было в легкой дымке, густо-синее море вскипало барашками пены на гребнях волн, но ветер был полон ласкового тепла. Дальние рощи казались изумрудными на фоне серебристых песков, высь была полна звонкими криками чаек.

– Что с тобой, Рольв? – с тревогой спросил Олаф Серебряный Плащ.

Ролло вздрогнул, словно очнувшись.

– Где Лебязьебелая? Я хочу, чтобы она растолковала мне мой сон.

Но Снэффрид все еще была обижена на Ролло и не желала говорить с мужем.

Обычно, когда она сердилась, Ролло чувствовал себя неудобно и всячески пытался загладить свою вину перед ней. Ведь он никогда не забывал, чем Снэффрид пожертвовала ради него. Однако сейчас её упрямство рассердило ярла.

– Что ж, обойдусь и без твоей помощи. Эй, где тот вчерашний отшельник? Все эти христианские жрецы в бабьих одеждах – колдуны. Я думаю, он сможет дать объяснение моему сну.

Когда отшельника привели к ярлу, он с изумлением вновь стал разглядывать Ролло. При свете дня этот варвар действительно походил на тоге, кто как опустошительный смерч, пронесся по Нормандии, но есть в нем и что-то совсем иное. Отшельник вздрогнул, когда старый викинг с заплетенной в косу седеющей бородой заговорил с ним на нейстрийском наречий франков, и поразился, когда понял, чего от него требуют. Ясно было одно – ему даруют жизнь и даже свободу, если он растолкует сонное видение этого молодого хищника.

Ролло пересказал свой сон, а затем уселся на песчаную кочку и стал слушать, как Кетиль без труда изъясняется на языке франков. Поистине недаром кормчий получил прозвище Всезнайки. Не было земли, куда бы они ни явились – с набегом ли, торговать ли – где бы Кетиль не смог столковаться с местными жителями. Он обучал языкам и Ролло, частенько повторяя, что после умения сражаться, для викин-

га нет ничего более важного, чем способность усваивать чужие наречия.

– Итак, что он сказал? – нетерпеливо спросил ярл, когда оба наконец умолкли.

Кетиль, сдвинув на переносицу шлем, задумчиво скреб в затылке, а христианин блаженно улыбался и глядел на Ролло с таким восторгом, словно тот помимо жизни и свободы, даровал ему по меньшей мере сотню рабов и поместье.

– В высшей степени странно толкует твой сон этот франкский жрец, – проворчал Кетиль. – Он убежден, что крест на холме – это подобие христианского храма, к которому твоя судьба выведет тебя из мрака. Источник же суть крещение, которое тебя спасет. Раны и грязь – то, что они именуют грехами, худшими из недугов, – могут быть исцелены и очищены в этом источнике, а птицы, которые порхали вокруг тебя, – твои викинги, которые последуют за тобой и также примут крещение.

Ролло захохотал так, что сгрудившиеся вокруг становища в поисках отбросов чайки с негодующими криками разлетелись. У ярла даже слезы выступили на глазах от смеха.

– Пускай убирается, – вытирая глаза тыльной стороной руки, почти простонал он. – Изрядно таки повеселил меня этот вонючий старик. Чтобы я оставил славных богов Валгаллы ради их жалкого божка, который никогда не держал рукояти меча и позволил приколотить себя к кресту? Чтобы я проме-

нял священное мясо Сехримнира³² на покаянную власяницу христиан? Клянусь браслетами Одина, никогда не сводилось мне слышать ничего более забавного.

И, тем не менее, когда отшельник ушел, Ролло вновь направился к кресту. Взойдя на холм, он похлопал его ладонью по столбу, как бы опробовал крепость холки доброго коня. Потом оперся на него спиной и долго стоял так, скрестив руки на груди и устроив взгляд туда, где в отдалении светлели на солнце изломы известковых скал и блестел, извиваясь, ручей.

Викинги долго нарушали его покой. Их корабли нуждались в основательной починке, да и море всё ещё было беспокойным. Всё, казалось, говорило, что им следует оставаться здесь. И лишь женщина, что стояла у самого прибоя, среди дюн, не хотела даже глядеть на этот берег. А её сила была такова, что она могла настоять на отплытии.

Атли, полулежа на песке, поглядывал то на брата, то на финку. К нему подошел Олаф, стал объяснять ситуацию, но Атли лишь улыбнулся в ответ.

– Это все ты должен сказать Ролло, а не мне. Что же касается моего мнения...

Не договорив, он подставил бледное лицо солнцу, прищурился. Потом встал и, утопая по щиколотки в белом песке, пошел к брату. Глядя ему вслед, Олаф лишь улыбнулся. Ат-

---

³² Сехримнир – имя вепря, который оживает всякий раз после того, как бывает съеден обитателями Валгаллы.

ли толковый малый и худого не посоветует их предводителю. Даже, если этим разгневает его женщину.

Ролло не повернулся к брату. И не глядя знал, что это он.

– Что скажешь, малыш?

– Мне здесь нравится, Рольв. Хотя, если ты скажешь...

Олаф сообщил, что поднимается бриз. Мы можем и отчалить.

Ролло глядел вдаль.

– Но сам-то ты предпочел бы остаться, не так ли? Что скажешь ты мне, мой проводник в Мидгарде?

– Я бы остался, – уверенно кивнул Атли.

Ролло улыбнулся.

– Что ж. Я тоже думаю, не отправиться ли нам вон за те холмы, чтобы проверить, достаточно ли силен распятый бог христиан, чтобы остановить детей Одина.

И весело подмигнул.

– Итак, Атли, если судьба после Упсалы привела нас сюда – значит это и есть знак богов. Иди же, порадуй старого Кетиля. Мы остаемся.

Глава 1

907 от Рождества Христова.

Здоровенный детина зловещей наружности вывалил женщину из мешка. Немолодая, тучная, но в платье хорошего сукна, она лежала на земле, спутанная крепкими ремнями, с торчащим изо рта кляпом. Широко раскрытые глаза ее с ужасом взирали на склонившихся над ней мужчин. При свете чадящих факелов все они казались ей выходцами из преисподней.

Внезапно у нее замерло сердце. Она узнала одного из них – этот обруч с крупными рубинами, покоящийся на совершенно лысом темени, в то время как по бокам из-под него свисают длинные черные пряди до плеч! И это властное лицо с орлиным носом, тонкие губы, а главное, массивная как воротный столб шея, слишком мощная для столь небольшой и породистой головы. Из-за нее этого человека и прозвали Длинная Шея. Вернее герцог Лотарингский Длинная Шея!

Женщина перестала мычать сквозь кляп. Она не сомневалась: сейчас этот высокородный вельможа разберется с грязными бандитами, осмелившимися похитить её, даму из окружения Каролингов³³. Она прибыла сюда, в Аахен, с двором короля Карла из Западной Франкии, дабы войти в сви-

---

³³ Каролинги – франкская королевская династия, правившая с 751 года.

ту невесты монарха, саксонской принцессы Фрероны. А её, когда она сегодня утром вышла из покоев по нужде, кто-то оглушил ударом по голове, едва она присела под куст в саду. Когда же очнулась, разбойники уже волокли её куда-то, и она испытала ужас, какого она не испытывала, даже когда пряталась за стенами имперских замков в дни нашествий норманнов. Однако теперь герцог здесь и покарает их! И она требовательно замычала и засучила стянутыми под коленами веревками ногами.

– Развяжите её, – спокойно произнес герцог Ренье Длинная Шея и отступил, ибо платье дамы из свиты Каролингов едко пахло мочой.

– Светлейший герцог... Светлейший герцог... – задыхаясь, наконец смогла забормотать женщина, машинально натягивая на колени задравшийся подол, но недоговорила, а тут же отпустила затрещину одному из грубо вздернувших её на ноги похитителей. – Пес! Вшивая тварь! Я дама из...

Она взвизгнула, получив ответную оплеуху, от которой едва вновь не оказалась на полу.

– Да что же это происходит, о могущественное небо! Я...

Она осеклась, увидев при свете факелов невозмутимое лицо герцога, его искривленные в усмешке губы. До её сознания только теперь стало доходить, что её похитили не без его ведома.

Но зачем? Разумеется, она, как и прочие придворные посмеивалась, когда стало известно, что король франков отка-

зал Ренье в руке своей дочери Гизеллы. Но ведь не поэтому же её схватили?.. У нее невольно задрожал подбородок, когда она оглядела каменное строение без окон, где она находилась, заплесневелый свод на тяжелых опорах, раскаленные угли в очаге. Дама невольно зажмурилась. Нет уж, лучше вовсе не видеть того, как в отблесках огня свалены у стены разнокалиберные клещи, крюки, кандалы с шипами...

Здесь пытаются!

– Благочестивая дама Автгуда...

– Вы поплатитесь за это! – вдруг истерично взвизгнула придворная. – Бог свидетель, вы за это заплатите! Я состою в родстве с Каролингами, я провела свою жизнь при коронованных особах... Моими услугами пользовались обе супруги Людовика Косноязычного³⁴, я была воспитательницей принцессы Теодорады, покойной сестры нынешнего правителя! А теперь возглавляю штат придворных дам невесты монарха, её высочества Фрероны Саксонской! Не было ни одной особы женского пола при королевском дворе, которая обошлась бы без моих услуг.

– Что вы можете сказать о принцессе Эмме? – спокойно осведомился Ренье, опускаясь в кресло у очага и протягивая над мерцающими угольями тонкие смуглые ладони. Его тяжелые золотые браслеты на запястьях вспыхнули зловещим багровым отсветом.

---

³⁴ Людовик Косноязычный, или Заика – король франков (ум.879), отец Карла Простоватого, одного из героев романа.

Дама Автгуда осеклась. Даже её обычное высокомерное выражение сменилось полнейшей растерянностью.

– Ума не приложу, о ком речь. Здесь какая-то ошибка, и лучшее, что вы можете сделать – это отправить меня во дворец, принеся извинения, обратно.

К ней приблизился нотариус герцога, византиец Леонтий, словно сошедший с алтарного образа в соборе Аахена, – в складчатой хламиде, кудрявый, с шелковистой бородкой вокруг мягкогубого рта, с глазами, словно сливы, под прямой линией сросшихся бровей.

– Успокойтесь, многоуважаемая Автгуда, – голос был вкрадчив, с легким иноземным выговором. – Моего господина интересует дочь короля Эда и Теодорады Каролинг, вашей воспитанницы, – мир её праху. Ну же, Автгуда! Эмма, принцесса Эмма – единственное оставшееся в живых дитя соперника могущественных Каролингов.

Теперь лицо Автгуды вспыхнуло возмущением. Эмма! Да кто сейчас помнит об этой Эмме? Принцесса, о которой никто никогда не говорит!

– Да откуда же мне знать, клянусь Святой Девой!

– Кому же и знать, как не вам, любезнейшая? Всем известно, что дама Автгуда знает обо всем, что творится в королевской семье. И вы должны, просто обязаны вспомнить все, что вам известно о дочери короля Эда.

Нотариус Леонтий говорил мягко, даже мелодично, но почему-то от его сверкнувших в улыбке зубов даму Автгуду

бросило в дрожь. Она взглянула на Ренье. Какие-то лихорадочные обрывки мыслей путались в голове. Липкий страх делал самоуверенную даму жалкой, она испытывала желание молить о снисхождении... Но ведомо ли снисхождение тому, кто погубил молодого Цвентибольда, короля Лотарингии?

Автгуда вдруг словно впервые увидела себя здесь – босую, растрепанную, в загаженном платье. И герцог – подбитый мехом плащ, теплые башмаки на ремнях с пряжками до колен, кровавые рубины фибулы³⁵ на плече и в герцогском обруче испускают дьявольский свет... Наверное, так чувствует себя последний раб перед своим господином. Какое уж тут достоинство... И когда один из лохматых мужиков, притащивших её сюда, забренчал, перебирая, железными орудиями у стены, она вдруг, не помня себя, упала к ногам герцога.

– О светлейший, о всемилостивейший!.. Я...

– Тс-с, – взмахом руки остановил её Ренье.

Он замер, прислушиваясь. В темное помещение звуки извне долетали лишь через отверстие в дымоходе над очагом. И сейчас, когда все умолкли, ясно можно было различить трубные звуки охотничьих рогов и лай собак.

– Дьявольщина! Неужели охота движется сюда? – пробормотал Ренье. Он резко поднялся. Забросил за плечо полу плаща. От этого движения заметались языки пламени. – Леонтий, препоручаю толстуху тебе. Выжми из нее все, что нам требуется.

---

³⁵ Фибула – декоративная булавка, служащая для скрепления одежды.

Брезгливо оттолкнув цепляющуюся за его башмаки Автгуду, он вышел, громыхнув тяжелой дверью.

После мрака подземелья свет солнечного декабрьского дня ослепил Ренье. Какое-то время он стоял в низкой арке этой уединенной башни на лесистом склоне, прикрыв глаза рукой. Вскоре послышались шаги, лязг металла, фыркнула лошадь.

– Ваша милость, кажется, охотники погнали оленя в сторону Молчаливой Башни.

Голос говорившего был низкий, чуть хриплый. Ренье убрал руку от лица. Его палатин³⁶ Эврар Меченый стоял перед ним, держа под уздцы двух позвякивающих сбруей лошадей. Жесткое лицо с кривым носом, багровый шрам на щеке, из-за которого он и получил свое прозвище, длинные усы свисали вдоль углов рта к подбородку, чуть тронутые серединой волосы и бритый крутой подбородок сильного человека. Когда-то Эврар служил королю Эдду Парижскому, но, оставил у него службу, когда переметнулся к Ренье Длинной Шее. Меченый давно доказал свою преданность герцогу тем, что стал одним из соучастников убийства короля Цвенти-больда. И именно по его совету Ренье похитил придворную даму Автгуду: Эврар уверял, что никто, кроме нее, не мог дать больше сведений о дочери его бывшего господина Эда. Уж больно эта сплетница любила выznавать альковные тайны коронованных особ.

---

³⁶ Палатин – придворный.

Сейчас Эврар лишь выразительно взглянул на ведущие в подземелье ступени, а затем кивнул в сторону леса.

– Охота движется сюда, господин. Нехорошо, если поползет слух. Автгуда, конечно, не бог весть какая важная птица, но все же из свиты короля Карла.

Для Ренье это все было не столь важно. Короля Карла, прозванного его же подданными Простоватым, он не ставил ни в грош. Однако сейчас границам Лотарингии угрожали германцы, во главе с королем Людвигом Каролингом, Длинной Шее надо было показать, что он в союзе с другим представителем этой династии – Карлом из земель западных франков. Ренье даже обещал Карлу наследные земли его предков в Лотарингии. Которые, впрочем, предпочитал оставить для себя. И пока Каролинги из Германии и Франки будут меряться силами, он сам подумывал о короне старого короля Лотаря³⁷.

Но его планы пока не должны быть известны никому. И Эврар прав, что нынче Ренье следовало выдавать себя за вернейшего союзника Карла Простоватого, не вызывая никаких подозрений. Поэтому Длинная Шея быстро вскочил в седло

---

³⁷ Король Лотарь – один из наследников правителя Европы императора Карла Великого. После смерти императора его потомки заключили в 843 году в Вердене договор, поделив его наследие на три части – на Западно Франкское королевство (нынешнюю Францию), Восточно Франкское (Германия) и земли королевства Лотарингии (название шло от имени первого правителя короля Лотаря). В то время Лотарингия простиралась от Северного моря на юг и ее земли лежали между французскими и немецкими владениями. Долгие годы за Лотарингию шла вражда между германцами и франками.

и направил коня туда, откуда раздавались звуки охоты.

Просторы охотничьих угодий под Аахеном были окутаны серебристым инеем. Голодные галки жалобно перекликались среди голых ветвей корявых вязов. Ренье и его приближенный легкой рысью ехали через лес. Герцог покосился на Эврара. Эврар был мелитом – воином-профессионалом. Это становилось ясным при одном взгляде на его фигуру – поджарый, подвижный, сидящий в седле как влитой. Кольчугу он не снимал даже на охоте, а его меч был, пожалуй, не хуже, чем Дюрендаль легендарного графа Роланда. В его рукояти, как утверждал Эврар, заключалась частица мощей какого-то святого из Нейстрии, но сбруя его коня была буквально унизана талисманами и амулетами, изображающими языческих божков. Ренье не был уверен, что его палатин не наполовину язычник, однако кто из его приближенных мог с чистой совестью называться добрым христианином? Эврар, по крайней мере, предан, и на него всегда можно положиться.

Они спустились в сырую лощину, где бегущие со склонов ручьи образовали небольшое озеро с причудливо изрезанными берегами. От воды поднимался пар. Здесь всадники придержали коней. Гомон охоты слышался уже совсем близко. Не было сомнений, что лов движется в их сторону.

– Почему ты тогда ушел со службы короля Эда? – неожиданно спросил Ренье. – Я слышал, что те, кто присягали ему, редко изменяли клятве. А ты ушел, когда он был в зените славы.

– Странно, что вас это не заинтересовало тринадцать лет назад, когда я поступил к вам на службу.

– Тогда я был никто, Эввар, и нуждался в любом мелите, имеющем коня и кольчугу. Теперь же я намерен стать королем, а ты мой поверенный и... друг.

Искривив в улыбке губы, он бросил взгляд на мелита. Черные глубокие глаза Эввара сверкнули из-под меховой опушки кожаной островерхой шапки.

– Да, – хрипло проговорил, мелит. – Король Эд был отменный правитель. Но и жесток был без меры. Даже с Теодорадой, принцессой, которая вышла за него вопреки воли своих родичей Коралингов. Что уж говорить о нас, простых вавассорах.³⁸

Он прищурился на блеск инея на ветках. Его конь нетерпеливо бил копытом, звеня сбруей с побрякушками амулетов.

– Однажды я со своими людьми повеселился в селении одного аббата. Все как обычно. Хлестали вино из его погребов, задирали подолаы его крестьянкам, жгли хижины его крепостных... Аббатишка вроде был из никудышных, да и присягал вовсе не Эду, а Карлу. Однако жаловаться он явился к моему королю. И того словно бес обуял. Кто был ему этот длиннополый поп, а кто я? Но он принял его сторону и нанес мне удар кнутом при всех, как простому рабу, как пахотному черному человеку.

---

³⁸ Вавассоры – служилые люди, личная дружина феодала.

Тыльной стороной ладони Эввар погладил шрам на щеке.

– У Эда был хлыст со свинцовым шариком, вплетенным в конец. Он распорол мне щеку до кости. Я тогда думал, что и глаза лишусь. Эд же лишь бросил через плечо, что впредь мне наука. Этого я не прошу и на смертном одре...

Палатин вдруг привстал на стременах, вглядываясь в заросли на противоположном склоне.

– Клянусь духами... Мессир, олень! Взгляните – олень!

Крупная, светлая чуть не до белизны оленуха, вывалив язык и задыхаясь, одним прыжком вымахнула из кустов. Замерла на миг, увидев вблизи людей, и, откинув голову, рванулась в сторону вдоль ручья.

В тот же миг оба всадника, забыв о разговоре, азартно пришпорили коней.

Тихий лес внезапно огласился шумом появившейся из-за холма охоты. Неистово лаяли, заходились псы, лошади и всадники, тесня друг друга, с треском ломились сквозь подлесок. Ревели трубы, слышался шум трещоток, улюлюканье.

Оленуха неслась по самой береговой кромке вдоль ручья. Бока её уже потемнели от пота, она была утомлена и явно стремилась к воде. Ренье и следовавший за ним Эввар оба поняли её намерение и, срезая по склону путь, ринулись к озерцу.

Две крупные поджарые собаки уже почти настигли несчастное животное, одна из них впилась, было оленухе в бедро, но последним усилием та рванулась вперед, с разбегу

кинувшись в воду и увлекая за собой пса. Миг – и в осевшем столбе брызг возникли две головы. Жертва, подняв над водой влажный нос, отчаянно устремила к противоположному берегу, собака же вернулась и вылезла на берег, отряхиваясь, но тут же отскочила, уворачиваясь от копыт поднявшегося на дыбы светлого жеребца, на котором восседал тучный шумливый человек в белой овчинной накидке и зубчатом венце поверх полотняного капюшона.

– Уйдет, уйдет! – визгливо вопил он. – Эй, лотарингцы, здесь глубоко? Есть брод или надо объезжать?..

Он вдруг осекся, заметив всадников на противоположном берегу.

– Ренье! – закричал он во весь голос. – Ренье, не смейте! Это мой зверь! Королевский зверь!

Герцог обратил на эти вопли не больше внимания, чем на галдеж вспугнутых шумом галок. Спрыгнув с коня и на ходу выхватывая длинный охотничий тесак, он уже спешил туда, где тяжело выбиралась из воды олениха.

Будь это самец-олень, он бы в последнем усилии попытался защитить себя рогами. Но затравленная самка после того, как холодная вода окончательно лишила её сил, лишь рухнула на колени, подняв на охотника огромные, полные слез глаза.

«Почему олени плачут, как люди, перед смертью?» – подумал Ренье, чтобы хоть как-то отвлечься от воплей с другого берега. Рывком опрокинув на спину животное, он прида-

вил его коленом и так быстро и твердо полоснул по вздрагивающему горлу, что клинок рассек плоть едва не до позвонков.

– Моя! Моя! Она была моя! – орал король. Ему наконец-то удалось одолеть брод, и, соскочив с лошади, он кинулся к трупам животного.

– Вы специально это затеяли, Длинная Шея! Ваши люди нарочно гнали её сюда, в заранее обусловленное место, где вы уже поджидали! Вы просто хотели отомстить мне после отказа отдать вам малышку Гизелу!

Но тут Карл невольно отпрянул, ибо герцог шагнул к нему навстречу с окровавленным дымящимся тесаком. И король даже словно лишился на миг голоса, только пучил глаза и отдувался, когда Ренье, притянув его к себе, неспешно вытер лезвие о белый мех королевской накидки и хищно осклабился:

– Теперь вы в крови, как и я. Как узнать, кто из нас расправился с оленухой? А вы, государь, примите её от меня в дар. Белый олень – священное животное. В Лотарингии говорят, что это зверь эльфов. Возможно, я уберег вас от мести лесных духов, не позволив пролить её кровь.

Карл невольно поднял руку для крестного знамения, но, увидев усмешку на тонких губах Ренье, понял, что его дурачат. Исподлобья, снизу вверх, король взглянул на герцога.

Карл Каролинг, прозванный в народе Простоватым, мало походил на своих великих предков. Будучи ниже среднего

роста, он, еще не достигнув тридцати, заметно располнел, ходил вразвалку, втягивая голову в плечи. Рожденный уже после смерти своего отца Людовика Заики, он, если можно так выразиться, рос на задворках двора. Должно быть, именно с тех пор у него и появилась эта неуверенность в себе, которую не могли стереть и несколько лет пребывания у власти. Он словно всегда помнил, что, отстранив его, прямого наследника, знать избрала королем героя осады Парижа и победителя нормандских набезчиков графа Парижского Эда Робертина.³⁹ И хотя еще при жизни Эда Карла тоже короновали, едва он достиг пятнадцати лет, но до самой смерти Эда он не чувствовал себя истинным монархом. Да и сейчас его феодалы мало считались с ним, во многие франкские земли он мог въехать только с разрешения их истинных властителей.

А еще короля Карла донимал этот засевший в его северных владениях язычник Ролло. По совету придворных советников Карл даже отправлял к нему послов, которых тот и не подумал принять. Зато принимал у себя в Руане людей графа Роберта Нейстрийского, брата прежнего короля Эдда. Это было так унижительно, когда все феодалы видят, что вассала Карла принимают, а священная кровь Каролингов ничто в глазах дерзкого завоевателя. И именно тогда, словно

---

³⁹ Париж в 80-е гг. IX ст. подвергся двухгодичной осаде, во время которой отличились братья Робертины – Эд и Роберт. Старший Эд, после победы над норманнами, был возведен на трон Франции.

чтобы поддержать престиж Простоватого короля, его пригласил и предложил свою службу этот выскочка Ренье Длинная Шея. От радости Карл даже не придал значения тому, что Ренье замаран кровью его родича Цвентибольда из рода Каролингов. Однако потом Ренье осмелился просить у Карла руки его дочери Гизелы. Каков пройдоха! Этот Длинная Шея пусть и утвердился в этих краях, однако не имел никаких наследственных прав на Лотарингию, вот и рассчитывал возвыситься путем выгодного брака с принцессой!

Карлу всегда хотелось указать безродному правителю Ренье на его место. Однако... он побаивался его.

Вот и сейчас Ренье – высокий, поджарый, с широкими плечами и мощной шеей, с коварной ухмылкой на змеящихся губах, глядит на Каролинга... А Карл так жалок перед ним – лоб покрыт бисером пота, взмокшие рыжеватые кудряшки слиплись, вздернутый нос без спинки утопает среди пухлых щек, неопределенного цвета глазки недобро выглядывают из-под тонких, едва обозначенных бровей. Совершенно тщетно он пытается придать себе горделивый вид.

– Почему вас не было на утренней мессе вместе с вашим королем? – решился все же важно спросить Каролинг. – Вы не присутствовали также при выезде на охоту. Кстати, и ваш сын Гизельберт не явился приветствовать нас. Странные порядки у вас при дворе! А еще моя невеста жалуется, что пропала её статс-дама, благородная Автгуда, и едва удалось подобрать ключи к сундукам с платьями принцессы. Подойди-

те сюда, любезный граф Альтмар, подтвердите мои слова. Во дворце все с ног сбились, подыскивая, во что бы одеть Фрерону...

Словно ища защиты от Ренье, Карл жался к своему фавориту Альтмару. Уже давно было замечено, что Карл охладел к прелестям дам и все чаще льнет к таким вот рослым крепким придворным. Нынешний его фаворит из простого стражника у дверей королевской опочивальни в считанные недели стал графом Аррасским. Оттого-то знать и настояла, чтобы король ради продления рода обручился с саксонской принцессой. Но даже на встречу с невестой Карл прибыл рука об руку с дорогим его сердцу Альтмаром.

Ренье, проигнорировав слова Карла об исчезновении дамы Автгуды, проговорил:

– Не гневайтесь, что меня не было на утренней мессе. Я отлучался в соседнее аббатство, где покоится прах моей незабвенной супруги Альбрады – да будет земля ей пухом. Ведь сегодня день Пресвятой Богородицы,⁴⁰ а в этот день я всегда езжу молиться над прахом былой жены.

И герцог набожно перекрестился. Однако Карл насмешливо прищурился.

– Как это трогательно, клянусь благостным небом! Наверное, вы просили у духа своей жены прощения за то, что, не прошло и месяца со дня её кончины, как вы уже просили руки моей дочери Гизелы?

---

⁴⁰ 8 декабря.

Ренье поджал губы. Он чувствовал, как на них смотрят присутствующие и понимал, что Карлу надо унижить возвысившегося до положения герцога выскочку Ренье. Поэтому Каролинг уже вторично упоминает о неудачном сватовстве. Однако сейчас, когда с востока на Лотарингию напирают германцы Людвига, Ренье должен вытерпеть от Карла все. Поэтому он лишь поклонился и отошел к своему коню. Следом поехал только верный Эввар.

– Куда теперь? – спросил мелит, когда они были уже далеко. – Вернемся узнать, как обстоят дела в Молчаливой Башне?

Ренье отрицательно покачал головой.

– Нет. Ты поедешь туда один. Я же поеду в аббатство на могилу супруги. Надо чтобы позже королю подтвердили, что я был там.

– Ну а дама Автгуда как же?

– Ты глуп, Эввар, – отрубил герцог. – Леонтий способный человек и делает все без меня. Но ты приедешь за мной, когда у вас будет что поведать.

Ударив шпорами коня, он двинулся вверх по склону в сторону аббатства.

Дорога к обители вела вверх по склону и там, где она делала поворот, Ренье помедлил. Деревья тут несколько расступались и, словно в окно с обрамлением крон, открывался вид на город в долине – величественный Аахен, столицу земель Каролингов. Дымы очагов поднимались над старыми стена-

ми города, солнце блестело на крестах храмов и озаряло величественный восьмигранный купол главного собора. Христианский мир по сей день дивился этому чуду, возведенному Карлом Великим из мощного камня и мрамора, когда он избрал Аахен столицей своей империи. Там, под полукруглым сводом, среди ослепительно совершенных колонн покоился прах великого императора. Паломники падали ниц при виде этого великолепия. А Карл Простоватый, когда впервые увидел гробницу знаменитого предка, даже прослезился. Да и сейчас, когда с вершины холма Ренье глядел на купола и коньки крыш города, он испытывал щемящее сладкое чувство. Лотарингия, сердце христианского Запада, колыбель Каролингов! Орел на высоком шпиле главного собора сверкал, как драгоценность.

– Все дьяволы преисподней! – вскричал герцог этой земли. – Клянусь ликом Господа, я скорее покроюсь проказой, чем кому-либо уступлю этот край. Скорее я сдохну как пес, чем позволю другому надеть корону Лотаря!

Ренье Длинная Шея был глубоко убежден, что достоин этого венца. Когда-то его отец, простой мелит, возвысился при посредстве брака на похищенной им принцессе Эрменгарде, дочери Лотаря I. Это был дерзкий поступок, но с ним смирились, и отсюда пошло величие рода Ренье: все, кто родился с Каролингами, тотчас поднимались на недостижимую высоту по сравнению с остальными смертными. Ренье же был честолюбив вдвойне. Дерзкая кровь отца-воина смешивалась с кровью мелитов.

валась в нем с несокрушимым высокомерием его матери. Его наследственные земли лежали среди земель исконных Каролингов, его предков. Он был сеньором Эно, Эсбей и Лимбурга, владельцем нижнего течения Мааса, богатых угодий в Газбенгау, Арденнах, светским аббатом Ставло. Он рано почувствовал вкус к власти и готов был отстаивать свои права. Но уж слишком много было тех, кто желал завладеть этими землями. Лотарингия! Сколько Каролингов посягали на нее: Цвентибольд, германский король Людвиг Дитя, даже этот никчемный Простоватый. Но Ренье для себя решил – Лотарингия будет только его! Ведь пока иные Каролинги препираются, кто из них наденет корону Лотаря, на деле этим краем владел именно Ренье. Теперь дело было за малым: ему нужна супруга королевского рода, брак с которой позволит ему стать равным с монархами Европы.

Обо всем этом Ренье размышлял, когда достиг небольшой часовни, где покоилось тело его жены Альбрады. Сама часовня была небольшая – пятнадцать шагов в длину и десять в ширину, с единственным окном за алтарем. Отослав монахинь, менявших масло в лампадах, герцог в одиночестве прочитал молитву и уселся, обхватив колени сцепленными руками. Ему всегда недоставало благочестия. Зато его покойная супруга была сушей святой. При жизни он не придавал ей никакого значения. Маленькая и неприметная, она стала его женой, едва ей исполнилось тринадцать. Ему же было тогда под тридцать. Ренье взял её в супруги из-за то-

го, что она была дочерью одного из влиятельных лотарингских баронов, которого герцог стремился сделать своим сторонником. Спустя год она подарила ему сына. Гизельберт был крепким парнишкой, но своенравным и упрямым. Правитель Лотарингии с трудом справлялся с собственным сыном. Вот и сейчас этот паршивец явно пренебрег волей отца, не пожелав явиться в Аахен для свидания с королем Карлом.

Ренье поглядел на могильную плиту, под которой покоилась его жена и припомнил, что после раннего рождения сына, Альбрада всегда была слаба и болезненна. Весь остаток жизни словно бы чахла, посвятив себя богоугодным делам, посещая приюты, жертвуя на постройку лечебниц. Ренье редко навещал вечно недужащую супругу, благо, красивых и крепких женщин для него всегда хватало.

Самое яркое воспоминание Альбрада оставила о себе, выкупив его из плена у варвара Ролло. Ренье полжизни потратил на борьбу с этим викингом, бесчинствовавшим в устьях Рейна и Мааса, а когда несколько лет назад оказался у него в плену и впервые встретился лицом к лицу, то был поражен — насколько же молод его давний враг. Ролло был весел, подшучивал над пленным противником, однако порой извлекал его из выгребной ямы, где держал, и сажал с собою за пиршественный стол. Ренье всякий раз с изумлением разглядывал этого свирепого викинга, которого, казалось, знал уже лет пятнадцать. За столом Ролло был дружелюбен, щедр и беспрестанно ласкал красивых лотарингских девушек, кото-

рым, кажется, не так и плохо приходилось в объятиях молодого язычника, хотя и поговаривали, что красота жены Ролло не знает себе равных. Но однажды, когда Ролло призвал герцога к столу, Ренье увидел посреди зала свою маленькую, насмерть испуганную жену. В первый миг он едва не зарычал, ослепнув от ярости. Пусть Альбрада ничего не значила в его жизни, но она была его венчанная супруга, мать его наследника, и, увидев её среди викингов, он ощутил почти физическую боль.

Однако оказалось, что Альбрада явилась, чтобы выкупить его.

И произошло чудо: Ролло, этот не знающий жалости язычник, и в самом деле освободил Ренье. Более того, викинг отдал назад большую часть привезенных Альбрадой богатств за мужа, а Ренье при прощании сказал (правда, глядя не на него, а через его плечо на стоящую позади маленькую женщину):

– Ты повеселил мое сердце славными битвами, Длинная Шея. Ты настоящий вождь. Поэтому я отдаю тебя твоей жене, возвращаю и половину того, что она прислала в выкуп за тебя. Давай же осушим мировую чашу и расстанемся друзьями, и пусть между нами воцарятся мир и доброе согласие.

Мир – и Ролло? Слишком долго воевал с ним Ренье, чтобы поверить в подобное. Он молча выпил чашу и уехал, лелея мечту о мщении.

Однако Ролло и в самом деле увел свою флотилию с рек

Лотарингии и, как позже узнал Ренье, обосновался на берегах Сены, где ныне считает себя полноправным хозяином и гонит со своих земель как отряды франкских правителей, так и своих соотечественников, осмеливающихся не признать власть конунга Ролло.

Кажется Ренье мог забыть о своих неудачах в противостоянии с Ролло. Но не тот был человек Длинная Шея, чтобы смириться и не мечтать о мщении. И его час еще придет. Однако не сейчас. Ибо теперь у Ренье были иные цели.

Отогнав мысли о былых поражениях, герцог протянул руку и погладил холодную плиту на могиле Альбрады. Господь послал ему добрую супругу. Впрочем, их отношения не изменились и после его выкупа. Она по-прежнему подолгу жила в отдаленных аббатствах, а он носился по стране. Затем она умерла. И не прибереги её Всевышний так своевременно, Ренье пришлось бы взять на душу грех убийства жены. Ибо он уже подумывал о новом браке и Альбрада ему была не нужна. Однако... И он слова провел рукой по ее могильной плите: все же она была хорошей супругой. Даже умерла вовремя. Мир, мир её праху.

А потом Ренье вспомнил, что ответил ему король Простоватый, когда он просил руки принцессы Гизелы:

– Дражайший друг, разве вам неизвестно, что в роду Каролингов не принято выдавать своих женщин замуж в пределах королевства? И если принцессы не становятся женами властителей иных держав – им следует посвятить себя Богу

и отправиться в монастырь. Негоже смешивать королевскую кровь с кровью вассалов и плодить внутри страны все новых претендентов на трон.

– Но ведь Лотарингия!.. – взорвался Ренье.

– Входит в состав моей короны, – невозмутимо прервал Карл Простоватый, расправляя в ногах меховое покрывало. – И клятвами в своей верности вы только подтвердили это.

Ренье был готов удушить его. Пальцы его судорожно сжались, в мыслях комкая жирную шею обидчика... Но он вынужден был сдержаться. Ведь он только начинал путь к короне Лотарингии. И он не варвар с Севера и ему нужно быть принятым среди высшей знати империи Карла Великого. Пусть эта империя и распалась с его кончиной, но права на власть имели только его потомки. И его родичи. Поэтому Ренье было необходимо породниться с Каролингами.

Кровь его похищенной матери что-то значила, чтобы Ренье не лишали его влияния в Лотарингии. Теперь ему надо было добиться нового брачного союза. Ренье не считал себя старым, чтобы вступить в новый брак и всячески подыскивал подходящую невесту. Из Каролингов. Ибо, чтобы там не вещал Карл Простоватый, но высшая знать Европы признавала тех, кто женился на женщинах их крови.

Разве тридцать лет назад граф Вьенский Бозон не добился короны, основываясь на том, что он женат на принцессе Эрменгарде, дочери императора Людовика II?

А на юге Франкских владений возникло королевство Прованс, или, как его именовали по столице в Арле – Арльское.

Был еще бандит из Фландрии Бодуэн Железная Рука, который получил графскую корону, когда перехватил в пути возвращающуюся из Англии вдову англосаксонского короля Юдифь, дочь императора Карла Лысого.

Но самым поразительным был пример короля Эда. Это был поистине беспрецедентный случай, когда малоизвестный граф с окраин оттеснил от власти чистокровного Каролинга. Конечно Эд из рода Робертинов был славен своей защитой Парижа и победами над викингами, и все же при избрании его королем немалую роль сыграло то, что его женой стала своевольная Теодорада Каролинг, сестра этого самого Карда Простоватого. Женщины Каролингов своей кровью возвышали отважных мужчин, делая их законными правителями. Вот и Ренье, самому влиятельному феодалу Лотарингии, для возвышения только и оставалось, что заключить брачный союз с принцессой королевских кровей.

Но ему отказали! Никчемный Простоватый отказал!

Тогда, после отказа в руке Гизелы, Ренье, возвратившись в свои покои, в ярости швырнул о стену редкостное кресло с инкрустациями слоновой кости. Постельничие и пажи, видя, в каком гневе пребывает Длинная Шея, как кролики разбежались и попрятались. Лишь его нотариий грек Леонтий остался сидеть в нише стены, не поднимая глаз от рукописной Псалтыри. И когда Ренье наконец успокоился и вышел

подышать на холодную лоджию дворца, Леонтий мелкими шажками приблизился к нему и, зябко кутаясь в меховую пелерину (грек всегда мерз), негромко проговорил:

– Воистину грешно так убиваться из-за невесты, которой вы и в глаза не видывали.

Мягкий голос, иноземный выговор подействовали на герцога умиротворяюще.

– Что ты понимаешь, Лео, мне была нужна вовсе не эта девчонка, а её благородная кровь. Ибо только с такой женой я мог бы поднять вопрос о королевском венце для себя.

– Разве у вас, влиятельнейшего господина в Лотарингии, нет возможности самому венчать себя на царство тут?

– Так поступают лишь варвары-викинги. К тому же среди моих непокорных феодалов всегда найдутся недовольные властью короля Ренье и, сославшись на то, что я узурпировал власть, призовут в страну любого из ближних Каролингов. А вот брак с принцессой сделал бы меня недосягаемым.

– Понимаю, понимаю...

Леонтий стоял рядом, дуя на мерзнущие пальцы.

– У меня на родине, в благословенной Византии, великие воины сами порой венчали себя на царство. Но и там они стремились породниться с порфирородными царевнами. А вам, мой господин, вместо того, чтобы крушить о стену редкое кресло из сарацинских стран, может стоит просто подумать о другой принцессе королевских кровей?

– У тебя кто-то есть на примете? – резко повернулся к

своему советнику Ренье.

Это было бы славно. Ибо сам Ренье знал, что дворы Каролингов сейчас как никогда скудны на принцесс. Так, у Людвига Дитя была старшая сестра Эллинрат, но её несколько лет назад похитил маркграф Энгельшалк II. Позднее его ослепили, но это не помешало Эллинрат остаться его верной супругой. Была еще и её племянница Базина, но она, по слухам, впала в буйное помешательство, и её держат в каком-то подземелье и никому не показывают. В землях же самого Ренье обреталась аббатиса Эрментруда из рода Каролингов. Длинная Шея не убоился бы жениться на ней, хоть ей уже было за шестьдесят, но к несчастью, благочестивая дама сверх всякой меры предалась милосердным делам, водилась с нищими и больными и в итоге заразилась проказой. Говорят, ныне она уже и на человека не похожа – распухший полутруп с вытекающими глазами, все еще дышащий и требующий пищи.

Тут Леонтий напомнил ему о принцессе Эмме из рода Робertiнов. Дочь короля Эда, героя защиты Парижа, и принцессы Теодореды Каролинг.

Ренье понадобилось усилие, чтобы вспомнить, о ком говорит его нотариус. Да у Эда были дети, три сына и дочь. Сыновья умерли в нежном возрасте, да и дочь наверняка тоже почил. По крайней мере о ней давно ничего не слышно.

И тут грей Леонтий приблизил к Ренье горбоносое лицо с иконописными очами:

– Вы зря так полагаете, светлейший. У вас, франков, смерти членов королевских фамилий не проходят незамеченными. Я читал ваши анналы и хроники. Их авторы порой забывают упомянуть дату рождения, но смерти – никогда. И если известно, когда умерли сыновья Эда и Теодорады, то о принцессе королевского рода Эмме нигде нет ни единого упоминания.

Теперь Ренье задумался. Эмма – дочь Эда Робертина, короля франков, помазанника Божьего. Племянница самого влиятельного сейчас в Западной Франкии человека – графа Роберта Парижского, младшего брата короля Эда. В свое время этот Роберт и сам мог бы после смерти брата стать королем, и стал бы, если бы сторонники возвышения Каролингов не поспешили короновать Простоватого. Что, однако, не помешало Роберту именоваться герцогом франков, защитником христиан, даже сам Простоватый величал его «вторым после нас во всех наших королевствах».

Размышляя об этом, Ренье ощутил облегчение. Если эта Эмма и впрямь существует, то она, племянника Карла Кародинга и могущественного Робертина, как раз та невеста, которая ему и нужна.

Но тут голос Леонтия заставил Ренье вернуться на землю.
– Дело за малым. Узнать, как обстоит дело с дочерью Эда и где она.

Ренье сразу помрачнел. Вращал машинально на запястье золотой наручень.

– Если о Эмме ничего не известно при дворе Карла, то могут понадобиться годы, чтобы разыскать её. А я не так молод и не могу долго ждать.

Леонтий улыбнулся, поплотнее кутаясь в пелерину.

– Здесь, за дверью, стоит палатин Эввар Меченый. Кому, как не ему, приближенному Эда, дать совет, где может пребывать дочь его бывшего хозяина.

Однако оказалось, что Эввару ведомо не так уж много. Да, он помнил принцессу еще рыжеволосой девчушкой. Покойница Теодорада тоже была рыжей, и дочь удалась в нее. Но как Эввар ни морщил лоб, не мог припомнить, как сложилась судьба девочки, после смерти родителей.

Зато как раз Эввар и посоветовал все вызнать у важной дамы Автгуды. Недаром та носила прозвище Автгуда Сплетница. И она всегда знала родословную Каролингов, вплоть до побочных отпрысков, прижитых с простолюдинками. Конечно Автгуда важная персона, к ней просто так и не подступишься. И тут Леонтий предложил попросту похитить эту даму. Отвезти ее в старую Молчаливую Башню, а уж там он сможет принудить ее все вспомнить и рассказать без утайки.

Что его нотариий справится, Длинная Шея не сомневался. Леонтий, безусловно, мастер развязывать языки, даже самого Ренье порой пробирала дрожь, когда он ловил дьявольское сладострастное выражение в глазах грека, докладывавшего о проделанной работе. Но что-то сейчас он тянет. Неужто благородная дама столь строго хранит придворные

тайны? А если и ей ничего не ведомой?

Ренье уже шагнул к двери часовни, когда на пороге столкнулся с Эвраром.

– Все дьяволы преисподней! Что так долго?

Эврар с поклоном уступил герцогу дорогу, кивнув в сторону любопытных лиц, столпившихся неподалеку монахинь. Пришлось герцогу, сдерживая нетерпение, последовать за придворным к ожидавшим их лошадям. По дороге тот негромко проговорил:

– Автгуда умерла под пыткой.

Ренье уже положил руку на луку седла, но тут резко повернулся.

– Умерла? Что ж, выходит – все зря?

Эврар спокойно сел в седло.

– Как же! Когда это бывало, чтобы ваш грек не справился с работой? Старуха отдала Богу душу, уже когда её оставили в покое. Но Леонтий выглядел вполне довольным. Мне-то он ничего не поведал, оставив себе честь передать все признанное светлейшему герцогу.

Ренье торопливой рысью помчался к Молчаливой Башне. После прозрачного воздуха морозного дня из подземелья на него дохнуло смрадом. Немудрено, что Эврар, как и ранее, предпочел оставаться снаружи, Ренье же по выщербленным ступеням сошел под землю.

Леонтий с улыбкой поклонился ему как коронованной особе – трижды в пояс. Его подручные после проделанной

работы ели похлебку из общего котелка, чавкая и гремя ложками. Со свету Ренье не сразу заметил тело дамы Автгуды в углу. Его накрыли дерюгой, из-под которой торчали лишь желтые голые пятки. Ренье брезгливо поморщился. В душном и одновременно сыром воздухе подземелья стоял густой дух паленого мяса, крови и пота. Его всегда занимало, отчего при пытках люди столь обильно потеют?

Леонтий, проследив за взглядом господина, пожал плечами.

– Здоровенная бабища, а ведь какая хилая оказалась. Мы только начали жечь ей живот, чтобы освежить память, как она сразу все вспомнила и разоткровенничалась, как на исповеди. Потом лежала и хныкала – и вдруг стихла. Наш Бруно глянул, а она уже отошла. Нехорошо как-то. Мы и священника не успели кликнуть, взяли грех на душу...

Ренье махнул рукой:

– Пустое. Говори скорей, что она поведала?

Леонтий, улыбаясь, протянул герцогу шуршащий пергамент с записью допроса. Византиец был аккуратен и любил, чтобы все было по форме. Однако, завидев нетерпение на лице герцога, заговорил, лишь порой поглядывая на записи в свитке.

– У короля Эда были сыновья, но все они рано умерли. Поэтому рождение дочери огорчило и разочаровало его. Новому королю из Робертинов нужен был наследник! К тому же, когда родилась Эмма, дела у Эда шли не лучшим образом.

Он разбил норманнов, но не мог справиться с собственной знатью: феодалы никак не желали смириться с тем, что ими правит не представитель прославленной династии Каролингов. Вот все недовольные Эдом и стали объединяться вокруг мальчика-подростка Карла, известного ныне под прозвищем Простоватый. Ведь в глазах знати именно он был сыном и братом Каролингов.

Эд прослышал про это, но он вел постоянные войны, отражая набеги викингов, так что не мог разобраться с недругами в своем государстве. Да и в семье у Эда не ладилось. Король часто бывал в разъездах, а Теодорада, считая, что Эд должен ценить её и уделять больше внимания, памятуя, что ради него она пошла против воли своих царственных родственников, беспрестанно закатывала ему сцены. И все же дама Автгуда, – да пребудет душа её в мире! – хмыкнул Леонтий, – все же утверждала, что этот брак был счастливым. Эти двое бешеных крепко любили друг друга. Столь крепко, что даже дети для них не много и значили. Особенно дочь. Когда родилась принцесса Эмма, ее сразу передали кормилице. Которой, впрочем, была не какая-то грудастая баба из просто-народья, а супруге одного из ближайших соратников Эда – графа Беренгара из Байе. Звали её Пипина и была она из рода Анжельжер.

Леонтий заметил, что герцог, все это время нетерпеливо вращавший на запястье браслет, теперь смотрит внимательно. Грек снова просмотрел записи на пергаменте, словно

опасаясь что-то упустить, а затем неторопливо продолжил. Говорил он, явно наслаждаясь собственным красноречием, изящно сплетая фразы, так, что даже его иноземный выговор казался незаметным.

– У графини Пипины в то время как раз тоже родился ребенок, – так утверждала дама Автгуда, – сын, получивший имя Эд в честь короля. Вот принцесса Эмма и жила в этой семье, считая ее своей. Тем более, что королю ее отцу пришлось сражаться с собственной знатью, какая все же помазала на царство Карла Простоватого. Эд пошел войной на Карла, и такова была сила и значимость этого короля, что войско Простоватого разбежалось, так и не приняв боя, а сам Карл укрылся в Бургундии.

Однако не успел Эд Робертин отпраздновать победу, как пришла весть, что умерла королева Теодорада. Говорили, что в последнее время ее мучили боли в подреберье, она почти не ела и истаяла как свеча.

Король Эд был сам не свой, когда узнал об этом. Он вернулся в Сите – Остров франков в Париже – и начал вести дознание. Ведь поговаривали, что Теодораду отравили... Тогда в пыточной ночью не гасли огни, крики жертв сливались с воем волков, а по утрам от башни отъезжала повозка с изувеченными телами тех, кого король заподозрил в пособничестве отравителям. Эд Робертин был поистине великий король и умел за все взяться с размахом.

– Какого черта, Лео! – взорвался наконец герцог. – Все,

что меня интересует, так это жива ли его дочь и где она.

– Терпение, мессир. Дело в том, что дама Автгуда, опасавшаяся, что подозрения короля падут и на нее, – она ведь состояла при Теодораде, – вот и поспешила перебраться в Лион, старую столицу Каролингов, где в то время расположил свой двор вернувшийся из Бургундии Простоватый. Однако каленое железо заставило её припомнить, что, возвращаясь из пыточной, король часто шел в то крыло дворца, где с четой графов из Байе жила маленькая принцесса Эмма. Похоже, у Эда только теперь появились отцовские чувства к девочке. Позднее граф Беренгар с супругой покинули Париж.

– А дочь Эда?

– Её с тех пор никто не видел при дворе. Видимо король Робертин опасался за жизнь дочери. И пусть она не сын, но и дочери имеют права на корону. Поэтому их тоже убивают. Так, я помню из истории, что, когда заговорщики убили императора Калигулу, у которого была единственная дочь-наследница, малютку схватили за ноги и били головой о каменную стену до тех пор, пока она не превратилась в кровавое месиво.

Нотарий герцога любил просмаковать подобные сцены. Даже выдавшему виды Ренье порой становилось мерзко. Но Леонтий заметил нетерпеливое, злое выражение на лице герцога и поспешил продолжить:

– После смерти короля Эда какое-то время еще вспоминали об Эмме, но потом её постепенно позабыли. Словно её

и не было никогда. Даже те, кто считал, что дочь Робертина уехала с Беренгаром и Пипиной в Байе, не ведали ничего. Ибо еще до смерти Эда пришла весть, что граф Беренгар был убит после того, как его город был захвачен разбойником Ролло (у Ренье дрогнул угол рта). Говорят, этот безбожник и идолопоклонник превратил цветущий город в руины. Редким удачникам удалось спастись.

– Так, значит, выходит, что все зря... – вновь не утерпел Ренье. На сей раз голос его был полон уныния.

Леонтий торжествующе улыбнулся, но внимательный глаз герцога не упустил этого.

– Велю пороть, – тихо, но внушительно проговорил он.

Грек тотчас заторопился, панически шурша сворачиваемым свитком.

– Совсем недавно стало известно, что жена графа Беренгара не погибла. Рассказывали, что Пипина из Байе, униженная и растерзанная, пристала к группе беженцев, с которыми некогда прибыла в Анжу к своему брату Фульку Рыжему, графу этого города. Он поселил ее в одном из окрестных монастырей, где она пребывает и по сей день. Вместе с дочерью.

– С дочерью? Я не ослышался? Ведь ты сказал, что у них с Беренгаром сын?..

Он внезапно осекся, поняв. Губы его медленно поползли в сторону в усмешке.

Леонтий тоже блеснул зубами.

– И заметьте, господин, дочь Пипины тоже зовут Эммой.

Герцог откинулся в кресле, расправил плащ с драгоценной фибулой, на которой глухо сверкнул рубин.

– Ты хорошо поработал, Лео.

Потом, глядя на уголья, герцог пробормотал:

– Выходит, все так просто...

Он умолк, глядя на седеющие пеплом уголья на подиуме очага. Улыбка не сходила с его лица, но глаза смотрели в пространство.

Леонтий наблюдал за своим господином со скучающим видом. Он хорошо знал Ренье и понимал, о чем тот думает: есть принцесса королевских кровей, причем всеми забытая, беззащитная. Ну разве что граф Фульк, брат Пипины, может быть неким препятствием. Однако если осторожно разыскать эту девушку в глуши Анжуйских земель и удостовериться, что Эмма из Байе суть та самая Эмма из рода Робертинов (в чем Леонтий не сомневался – ему никогда не лгали на допросах), то забрать и привезти ее сюда не будет великой проблемой.

– Это следует поручить Эврару Меченому, – неожиданно вслух произнес Леонтий и прикусил язык, опасаясь, как бы герцог не заподозрил его в чтении собственных мыслей.

Однако Ренье Длинная Шея лишь задумчиво кивнул.

– Да, именно. Он добрый воин и преданный пес. И он единственный из моих людей сможет опознать Эмму. Он видел её. Как ты думаешь, Лео, может ли человек узнать во взрослой женщине девочку, которую видел совсем ребен-

КОМ.

– Ну, – Леонтию стало смешно, – ваш вавассор скорей с первого взгляда отличит ковку секиры – рейнская или норманнская. Что же до женщин... Хотя этого вояку Бог разумом как будто не обидел. И он помнит, что девочка была рыжей, как и королева Теодорада. Что ж, возможно.

– Ступай, кликни его, – отрывисто приказал Ренье.

И прищурился на вскинувшиеся от дуновения хламиды грека язычки на угольях.

– Итак, Эмма... Рыжая Эмма.

Глава 2

908 от Рождества Христова.

Аббат Радон, тучный, рослый, с похожей на гладкий шар головой, обходил хозяйственный двор аббатства Святого Гилария-в-лесу. Было тихое предрасветное время после Вальпургиевой ночи⁴¹, в которую особенно сильна всякая нечисть. И хотя братия лесного монастыря окропила все вокруг святой водой и вечером обошла процессией все село, ударяя веточками освященного самшита по кустам и деревьям, настоятель Радон лично пожелал убедиться, что силы тьмы не хозяйничали нынче в его владениях.

Но, кажется, везде царил мир. В предрасветном сумраке монахи меняли на скотном дворе подстилку, где навоз был перемешан с солью, мулы шумно хрустели овсом, свиньи томно похрюкивали, блеяли овцы, еще не обросшие после зимней стрижки, подавали жалобные голоса ягнята. И полное лицо аббата расплылось в отеческой улыбке, он не удержался, чтобы не войти в загон и не приласкать кое-кого из ягнят, несколько не заботясь о том, как странно выглядит его расшитое узорами облачение в овечьем хлеву. Его посох с резным завитком на конце попридержал брат-ключарь – тощий старичок со скорбным лицом и венчиком седых вью-

---

⁴¹ Ночь с 30 апреля на 1 мая.

щихся волос вокруг тонзуры, носивший имя Тилпин.

– Ваше благочестие, – негромко, но настойчиво проговорил ключарь, – скоро служба, вам пора быть в храме, а не среди безмозглых тварей.

Радон вытер пальцы о вышитую полу ризы и кротко вздохнул. Когда-то он бежал от насилия, крови и жестокости людского мира в эту глушь, создав здесь свой особый мирок, и, возможно, не слишком радел об обращении лесных обитателей-язычников, не журил местных женщин за колдовство, не разрушал старые языческие алтари у лесных источников, и тем не менее, Господу, видимо, была угодна его деятельность, раз он сподобил его в мире дожить до седых волос и принести покой всем обитателям этого края. Недаром в его обитель Святого Гилария-в-лесу на праздник мая со всей округи сходилось столько местных жителей.

Сейчас прибывшие на праздник селяне со своими женами и полудикими ребятишками расположились на лугу за стенами монастыря, где монахи угощали их утренней похлебкой. Среди этих диковатых лесных жителей выделялся рослый светловолосый торговец-разносчик, бог весть как пробравшийся через лес со своим ящиком с товаром, вызвав смятение всех деревенских кумушек. Но торговаться с разносчиком товаров им оказалось непросто: лоточник оказался немым, все больше мычал и очень скупно торговался.

Сейчас он сидел немного в стороне, длинноногий плечистый детина с длинными волосами, собранными сзади в

хвост. И глядя на него Радон вдруг подумал: а не предложить ли этому угрюмому парню остаться в Гиларии-в лесу? Ибо аббат всерьез подумывал набрать тут некое подобие вооруженной стражи. И даже не столько для охраны от разбойников, сколько чтобы препятствовать своеволию то и дело заглядывавшему в аббатство Фульку Анжуйскому. Уж больно своевольно порой вел себя тут этот рыжий граф.

Сейчас, когда аббат наблюдал за немым торговцем, тот вдруг перестал перебирать свои гребешки и ленточки в коробе, а резко выпрямился и прислушался. И аббат помимо воли поглядел туда, куда смотрел немой. Тихая жизнь в лесу даже теперь не приучила Радона к благостному спокойствию, и первой его мыслью было о молодежи и монахах, разбредшихся по лесу в праздничное майское утро. Но его внезапно успокоил дребезжащий голос старичка Тилпина.

– Не обошло нас и в день празднования мая испытать на себе излишнее дружелюбие этого греховодника Фулька.

Радон перевел дыхание. И с важностью произнес:

– Не будем ворчать, мой добрый Тилпин. И не стоит забывать, что в селении под нашим покровительством проживает сестра благородного графа дама Пипина.

– Лучше бы рыжий Фульк себя обременил подобным покровительством, а не нас.

Аббат не ответил. Он уже видел, как на топе из леса показался всадник на ладном вороном коне. Было видно, как свет зари отразился на его коническом шлеме, блеснул на

стальном острие копья. А когда он приблизился, Радон подумал, что раньше никогда не видел в свите Фулька Анжуйского этого воина с черными длинными усами и угрюмым лицом, пересеченным багровым шрамом.

После обыденного приветствия, едва заметив благословения аббата, воин спешил и сказал:

– Граф Фулк уже на подъезде к Гиларию-в-лесу. Он рассчитывает, что его встретят как должно.

Радон рассматривал говорившего.

– Ты новый вассор Анжуйца? – только и спросил он.

Тот кивнул без всякого выражения.

– Мое имя Эврар. Люди зовут меня Меченый – из-за шрама. Я лишь недавно вошел в свиту Фулька Рыжего. И мне велено передать, что приезд графа связан с тем, что он вознамерился, согласно давнему уговору, обручить обвенчать своего сына Ги с Эммой, своей племянницей.

Брат Тилпин проворчал достаточно громко:

– Не дело это – венчать столь близких по крови родственников. Я не позволю совершить сего с монастырской воспитанницей. Эмма подобна ангелу, и не ей прибывать в смертном грехе...

Теперь Эврар Меченый усмехнулся.

– Что ж, попытайтесь, святой отец.

Было известно, что Ги, сын Фулька, тоже не торопился к своей невесте и даже, чтобы избежать брака, едва не принял постриг в монастыре Святого Мартина Турского. Одна-

ко отец едва не за волосы выволок его из соборной ризницы и теперь везет сюда.

Радон заметил, что рослый торговец тоже стоит среди монахов, прислушиваясь к речам посланца, но не придавал этому значения. Сейчас он вспоминал, как одиннадцать лет назад Фульк Рыжий заставил его участвовать в обручении двух детей – шестилетней девочки с рыжими косичками и хрупкого девятилетнего мальчика с красивыми мечтательными глазами. Он тогда тоже не преминул указать на кровное родство между женихом и невестой, но уж если сама Пипина из Байе – дама в высшей степени благочестивая – ничего не имела против, то Бог им всем судья.

Внезапно Радон почувствовал, что даже рад приезду этого шумного, горластого Фулька. И хотя их встречи с графом редко когда проходили мирно, все же это было хоть какое-то событие в монотонной жизни лесного аббатства. И если бы только Фульк так не стремился подчинить себе Гиларий-в-лесу, на что тот часто намекал.

А вот поверенный Радона Тилпин в приезде графа видел только желание Фулька совершить богопротивный союз между своим сыном и дочерью своей сестры. И старый монашек не на шутку разошелся: он взывал к небесам, топтал ногами, грозился отправиться в Реймс к архиепископу Эрве с жалобой. Монахи вокруг лишь посмеивались. В мире столько беззакония и зла, что духовному отцу франков вряд ли будет дело до того, что где-то в глухой деревне обвенча-

ются двоюродные брат с сестрой. Всем было известно, что брат-ключарь души не чаёт в девочке, выросшей у него на глазах, которую он обучил грамоте, а позже давал читать редкие рукописи, спасённые из сожжённой викингами библиотеки в Сомюре. А когда со временем выяснилось, что дочь Пипины из Байе Господь наделил великолепным голосом и слухом, брат Тилпин заявил, что Эмма избраница Божья, и настоял, чтобы она с клириками пела в церковном хоре, пророча ей духовную жизнь среди монахинь. И всякий раз искренне огорчался, когда Эмма убегала от него поплясать с парнями на лугу или откровенно кокетничала с молодыми послушниками. А теперь ещё и это решение Фулька о скоропалительной свадьбе...

Между тем преподобный Радон принялся отдавать распоряжения, готовясь к приему гостей. Фульк Рыжий хоть и являлся в лесную долину, чтобы повидать сестру, но останавливался всегда под гостеприимным кровом Святого Гилария. К тому же крохотная усадёбка, в которой при монастыре жила его овдовевшая сестра с дочерью, казалась графу слишком неподходящей для его положения. Это Пипина решила жить в этой глуши, а Фульк Рыжий непременно требовал расположить себя с привычными удобствами. Ведь монастырь Гилария-в-лесу вполне большой монастырь со своей церковью и странноприимным домом, и за его отштукатуренными побеленными стенами Фульк чувствовал себя вполне комфортно.

Так что едва граф во главе отряда возник у кромке леса, он сразу направил коня в объезд хижин селения туда, где мост через ручей вел к воротам монастыря.

Воины Фулька Рыжего наполнили долину шумом, лязгом оружия, громкими выкриками. Их лошади испуганно ржали, шарахаясь от зашедшихся лаем деревенских собак. Привыкшие к тиши лесов местные жители откидывали дерюжные завесы дверных проемов и с любопытством взирали на явившихся из какого-то другого мира всадников. Женщины испуганно скликали детей. На опушке леса показались стайки привлеченной шумом молодежи, возвращающейся из чащобы с охапками майской зелени.

– Помилосердствуй! – едва не застонал Радон, когда граф, соскочив с седла, едва не задушил его в объятиях. – Сын мой, уважай хотя бы мой сан и облачение!.. Ах, дьявол, как же я рад тебя видеть!

Они обнимались, раскачиваясь, как два дюжих медведя. Дорогой посох с резной завитушкой, забытый, валялся в траве у монастырского крыльца.

Граф Фульк Рыжий был на полголовы ниже аббата Радона, но почти вдвое шире его в плечах. Кряжистый, коренастый, кривоногий, в удлиненном панцире из нашитых на буйволону кожу металлических блях с разрезами спереди и сзади для удобства езды верхом – он являл собой совершенный образ воина-правителя того времени. У него было живое и в то же время надменное лицо с рыжими вислыми усами и

рябой от веснушек кожей. Его оранжево-золотые, до пояса, волосы были заплетены в три косы – две лежали на груди, позвякивая вплетенными в них золочеными украшениями, еще одна покоилась на спине. Крепкие ноги графа выше колен были оплетены крест-накрест толстыми ремнями с золотым тиснением, а голову венчал яйцевидной формы шлем из темной стали.

– Сатана тебе в глотку, Радон! – гремел Фульк. – Ты стал еще круглее с тех пор, как мы виделись последний раз во время тяжбы за Бергинскую пустошь. Я привез тебе в подарок лучшее вино из виноградников Совиньера. Слаще его не найти вдоль всей Луары. Что скажешь, старый пьяница-святоша, не опоздал ли я на празднование прихода мая в твоём аббатстве?

И тут же завертел головой:

– А где это отсиживается моя сестрица? Пусть пошлют за ней. Кстати, поп, известно ли тебе, что мы ехали в Гиларий, не сводя коней с рыси? Это в твою-то глушь, куда раньше едва удавалось прорубиться сквозь терновник. Я понимаю, что вам нужна дорога в обитель, однако в наши времена по такой широкой тропе сюда могут нагрянуть и кое-кто кого бы тебе лучше не знать. Так что подумай, не стоит ли тебе начать выплачивать мне за охрану этой лесной обители.

Радон набычился, склонив свою круглую голову с выбритой тонзурой.

– Крест честной! Да я вижу, ты по-прежнему не прочь об-

рагить меня в данника, Фульк? Всем известно – если что-то хоть на миг прилипло к твоим ладоням – того уже не отодрать.

Но Фульк Рыжий был настроен благодушно.

– Так где же Пипина? Я привез ей племянника. Гляди, отче! Узнаешь ли ты моего Ги? Что скажешь? Вылитая Деленда – упокой, Господи, душу моей первой супруги.

Радон лишь мельком на указанного сына графа. Но вынужден был задержаться, когда юноша с почтительным видом подал ему оброненный посох, а затем скромно опустился на колено, испрашивая благословения.

– Во имя Отца и Сына и Святого духа... – наскоро сотворил знамение аббат.

«Они с отцом похожи не больше, чем дубовый пень и хрупкая ольха. Вот разве что нос, этот крупный нос с горбинкой от Фулька. Да и в посадке головы чудится что-то».

Он отчески положил руку на черные, слегка вьющиеся волосы юноши.

– Идем, сын мой. Гляди – уже процессия с зеленью выстроилась за селом. Надо их встретить у храма.

Аббат Радон был доволен тем, как чинно двинулась процессия. Несли хоругвь с шитым золотом изображением святого, блестели серебряные кресты, каноники с дымящимися кадильницами выступали по сторонам и во главе шествия. Радон, важный и полный достоинства, отряхивая с полы парадной ризы только сейчас замеченную овечью шерсть, воз-

главлял процессию. За ним попарно двигались монахи – все сплошь в островерхих клобуках, смиренно опустив очи и спрятав руки в широкие рукава сутан. Даже Фульк с его людьми присмирели и тоже держались чинно из уважения к таинству.

Деревенская церковь высилась в самом центре селения. Это была удлиненная деревянная базилика⁴², производившая впечатление каменной – так гладко были отштукатурены и побелены ее стены. Кровля ее была тростниковой, но колокольня наверху с посеребренным крестом – он красиво розовел в лучах восходящего солнца. Над воротами храма, располагалась замечательная галерея, деревянные арки которой опирались на замысловатые колонны в виде статуй святых отшельников с длинными бородами. Вход в церковь в этот майский праздник украшали гирлянды зелени, и их нежный аромат смешивался с запахом сухого дерева и пропотевшей крестьянской одежды.

Когда процессия была уже у входа в базилику, Фульк вдруг схватил сына за руку и устремился вперед, смешав, к великому неудовольствию Радона, стройные ряды монахов.

– Приветствую тебя, сестра! – вскричал он, шагнув к стоявшей сбоку от входа женщине в темном покрывале. И подтолкнул к ней сына. – Видишь, я привез с собой Ги. Клянусь мечом, пришло время совершить то, что мы задумали с тобой много лет назад. Вот он мой Ги. Ну а где твоя Эмма,

---

⁴² Базилика – удлиненное церковное строение прямоугольного типа.

прозванная Птичкой?

Графиня Байе Пипина скупно улыбнулась племяннику и протянула руку для поцелуя. Это была высокая, стройная женщина с таким же, как у Фулька, усеянным веснушками лицом, но с более тонкими чертами, еще не утратившими следов былой красоты. В ней текла благородная кровь – и это становилось ясно каждому, кто лишь раз взглянул на Пипину. И хотя из украшений на ней был лишь чеканный головной обруч с небольшими зубчиками, но даже то, как элегантно она носила покрывало, концы которого откидывала за плечи, указывало, что это знатная дама.

– Да благословит тебя Пречистая Дева, Ги, мой милый племянник. Последний раз я видела тебя еще ребенком. Говорят, все эти годы ты воспитывался в аббатстве Мартина Турского?

И не успел юноша ответить, как Фульк уже загремел:

– Да, это я имел безумие отдать его туда на обучение, когда вторично женился на Росциле из Лоша. И что, по-твоему, удумал этот щенок? Он пожелал стать каноником, монахом в длинной юбке. Словно ему и дела нет до воли отца и продолжения рода Анжельжер!

Юноша с достоинством ответил:

– Я люблю и чту вас, отец, и все же нашего Спасителя я люблю больше вас и больше всего земного. А что до продолжения рода, то у вас есть сыны от дамы Росцилы и они станут вашими наследниками.

– Ты слышишь, сестра! Слышишь ли ты? Я силой привез его сюда, он же всю дорогу скулил, что уговорит тебя и отца Радона не соглашаться на союз, каковой он считает греховным кровосмешением.

На красивом, но увядшем лице Пипины из Байе появилось выражение разочарования и грусти. Она внимательно вглядывалась в такое милое лицо племянника. Юноша совсем не похож на своего родителя: гораздо выше ростом, худощавый, с нежной бледной кожей и красивыми миндалевидными глазами, скорее черными, чем карими. Ги явно пошел в мать, как внешне, так и по нраву своему. Пипина помнила, что та тоже некогда намеревалась принять постриг, но Фульк насильно увез ее из монастыря и сделал своей женой.

И вот теперь, словно в насмешку, сын любимой женщины тоже пошел наперекор воле Фулька и устремился к служению Богу. Пипина понимала гнев старшего брата, но в то же время видела и непреклонную решимость на лице Ги. Даже в том, что он остриг волосы короче, чем было принято в миру, и носил темную одежду монашеского покроя, чувствовалось стремление удалиться от суеты.

Пипина осторожно взяла узкими ладонями руку юноши.

– Твои братья, Ги, еще малые дети, а Эмме уже необходим муж и защитник. И она ждала все эти годы, твердо зная, что однажды ты явишься к ней как жених и вы обменяетесь обетами перед алтарем.

Ги резко вскинул голову.

– Вы говорите это лишь как мать Эммы. Но как христианка вы должны знать, что наша святая мать Церковь выступает против союзов мужчин и женщин, связанных родственными узами ближе седьмого колена.

– Ты отлично знаешь, Ги, что церковь весьма часто делает и исключения на сей счет. Однако если родство меж вами единственная причина, по которой ты отказываешься от Эммы, прозванной здесь Птичкой, то успокойся – вы с ней на самом деле куда более дальние родичи, чем принято считать.

Она умолкла на полуслове, увидев стоявшего совсем близко к ним воина со шрамом на щеке. Показалось ли ей, что тот прислушивался к ее словам? А еще было ощущение, что его лицо ей словно знакомо.

Фульк проследил за взглядом сестры и кивнул.

– Узнаешь, Пипина? Это Эврар. Он служил у Эда Робертина. Потом жил в Лотарингии, а недавно вернулся в Анжу, и я взял его к себе в палатины. Это превосходный воин. Эй, Эврар, подойди сюда!

– Позже, – сказала женщина. – Я вижу, процессия уже завершила движение и сейчас будет празднование. А ты, племянник, – Пипина повернулась к Ги, – видишь ту процессию с зеленью? Где-то там и твоя невеста. Я хочу, чтобы ты сначала заново познакомился с ней – ведь ты совсем уже не помнишь Эмму, не так ли? И тогда... Тогда мы еще раз обсудим, согласен ли ты связать свою судьбу с Птичкой из Гилария-в-лесу.

Граф Фульк одобрительно крякнул и, не отпуская рукав юноши, увлек его за собой на крыльцо, где, растолкав окружающих аббата монахов и подбоченившись, занял место подле стоявшего с чинным видом Радона.

– От тебя, однако, овчарней пахнет, святой отец, – тотчас заметил он.

– Помолчи, Фульк. Клянусь самым святым Гиларием, я откажу тебе в гостеприимстве, если ты, как и в прошлый раз, попробуешь выставить меня на посмешище и помешаешь празднику.

И он зычным баритоном подхватил стих распеваемого братией псалма.

Солнце, до этого прятавшееся за лесом, теперь поднялось выше, залив ясным теплом лесную долину. Под его лучами хорошо была видна длинная вереница поселян и молодых каноников, с пением двигавшаяся от леса к церкви. Все они, без исключения, были в венках из зелени и цветов, два белых вола с увитыми цветочными гирляндами рогами влекли повозку со свежей травой и молодыми березками, среди которых особенно выделялся один длинный ствол, предназначенный для майского шеста. Охапки зелени были и в руках поклонников древнего обычая, они посыпали ею тропу, украшали ограды зелеными ветвями.

Достигнув церкви, процессия описала полукруг и остановилась. Темные рясы монахов и каноников смешивались с нарядными одеждами поселян, шитыми из светлой хол-

стины. Аббат Радон вышел вперед и во всеуслышание прочел латинскую молитву. Толпа выдохнула единым духом «Аминь», люди зашевелились, творя крестное знамение. Потом от нее отделилась небольшая группа молодежи и преподнесла настоятелю пышную гирлянду из цветов и зелени. Девушка с длинными медно-рыжими волосами, в огромном венке из ландышей и желтых лютиков протянула Радону большой, еще влажный от росы букет цветов.

– С майским днем вас во имя Божье, благочестивый отец!

Кто-то из толпы крикнул:

– Пусть Птичка споет песню!

И тут же другие голоса подхватили:

– Песню, Птичка! Спой майскую песню!

Девушка улыbnулась и не заставила себя долго упрашивать. В следующий миг, в наступившей словно по мановению жезла феи тишине полился чарующий, полный тепла голос:

– Весной, когда грядет рассвет —

Смотри не спи, вставай! —

С росой и солнцем к нам идет

Веселый месяц май.

О свежей зелени споем,

Что добрый май с собой несет.

Сплетайте каждому венок,

Когда веселый май придет.

*Будь всякий в май благословен,
Как зелень свежая в лесах.
Достаток, счастье в каждый дом
Пускай войдут с росой в цветах.*

Бесхитростная песенка словно стала редкой драгоценностью благодаря голосу исполнительницы. Низкие и высокие переливы звуков сплетались с чарующей сердечностью и непринужденностью. Все еще хмуро стоящий рядом с отцом Ги медленно поднял голову. Глаза его изумленно округлились. Выросший в одном из знаменитейших монастырей Франции, где с величайшей бережностью относились к музыкальному наследию христианского мира, Ги был поражен великолепием голоса этой девушки. С глаз его спала пелена. В первых лучах майского солнца он словно впервые увидел её. Невысокая хрупкая фигура с гривой кажущихся огненно-красными волос, платье из беленого холста, перетянутое в тонкой талии сплетенным из цветных нитей поясом с кистями на концах. От венка на лицо девушки падала тень, и Ги, стоявший против солнца, не мог разглядеть его черт, но дивная хрупкость её образа и волшебный, звенящий и переливающийся трелями голос произвели на юношу неизгладимое впечатление. Он словно воочию созерцал лесное языческое божество, медноволосую фею цветов и зелени, легкого эльфа, сотканного из света и тепла.

Когда песня стихла и раздались рукоплескания, Ги невольно заулыбался. И тут ж услышал рядом раскатистый

смех наблюдавшего за ним отца.

– Ну что, сын? Разве такую девушку можно променять на келью и власяницу? Ступай же, поприветствуй свою невесту.

И Фульк довольно грубо подтолкнул сына, да так, что тот, сбежав по ступеням крыльца, едва не сбил с ног юную певуню. Он остановился прямо перед ней, пошатнулся, лоя равновесие, и положил руки ей на плечи. Девушка чуть отшатнулась, но потом улыбнулась, глядя ему прямо в глаза.

Ги увидел её совсем близко – прекрасное, похожее на таинственный цветок лицо, нежный очерк подбородка и щек, шелковистую тонкую кожу с легким, словно прозрачным, румянцем, пунцовый, мягко изогнутый в улыбке рот, маленький точеный нос. Ее черные шелковистые брови изысканно изгибались дугами, ресницы тоже оказались черными и густыми. А под ними живым огнем сверкали огромные, темно-карие, как спелые каштаны, глаза. Это были удивительные, покоряющие глаза, и все легкое и радостное существо этой девушки, казалось, было сосредоточено в них.

– Здравствуй, Ги Анжуйский, – чарующим музыкальным голосом произнесла Эмма, и прежде чем юноша успел опомниться, привстала на цыпочки и звонко расцеловала его в обе щеки.

Он вздрогнул, отпрянул, но зацепился за ступеньку и, пошатнувшись, сел у ног отца и аббата Радона. Словно сквозь сон до него долетел хохот настоятеля, залиvistый смех отца, шум развеселившейся толпы. Ги стремительно вскочил,

путаясь в полах своей хламиды, задел шпорой за очередную ступень и вновь оказался сидящим на лестнице.

Эмма тоже смеялась. Звонко, как колокольчик. Стояла среди толпы, уперев руки в бока, и хохотала, откидывая голову, обнажая сверкающий ряд великолепных, как жемчуг, зубов. На нее было устремлено множество взглядов, но, казалось, это её нисколько не волновало. Как и во время песни, она получала удовольствие, находясь в центре всеобщего внимания.

Лишь один человек не смеялся, но разглядывал Эмму пристально, даже со злобой. Эввар Меченый, стоя среди веселящихся воинов Фулька Анжуйского, не сводил с девушки напряженного взгляда. Еще прежде, едва узнав, как настаивает на браке сына с племянницей Фульк, он понял, что Анжуец хочет возвыситься, породнившись с Робертином, своим прямым сеньором. Теперь же, когда он увидел её... Да, сомнений не оставалось. Он сразу разглядел в ней Эда и Теодораду в одном лице. Стать, хрупкость, теплота и чувственность Теодорады, её красновато-рыжие прямые волосы и жгучие глаза Эда, его гордая улыбка, дерзкий взгляд.

«Кажется, пришло мое время поработать. Пока этот олух Ги не изменил своих благочестивых намерений и не потащил девушку прямиком к алтарю, мне следует заняться девицей. Пусть она и отъявленная кокетка и, похоже, бездумна, как канарейка, клянусь светлым дубом, мой герцог не будет разочарован, когда я привезу к нему это рыжее чудо».

Тем временем наследник графа пришел в себя. Пунцово-красный, он встал на ноги и, не поднимая глаз, поспешил затеряться в толпе. Но теперь уже словно какая-то магическая сила притягивала его к Эмме, и он невольно поворачивался туда, где она стояла. Девушка осталась на прежнем месте и, улыбаясь, смотрела ему вслед. Вокруг нее, хихикая, скакал монах с шишковатой головой и тупым лицом обиженного Богом. Девушка лишь мельком бросила на него взгляд и машинально шлепнула ладошкой по его бритой макушке. Потом от толпы отделился здоровенный парень с темной щетиной на щеках, в длинной красной тунике, подпоясанной нарядным поясом с коваными бляхами. Он властно взял девушку под руку и попытался её увести. Бог весть почему, Ги вдруг ощутил холодное, режущее чувство в груди и уже шагнул, было вперед, но остановился. Он видел, как Эмма взглянула снизу вверх на рослого парня и, скорчив брезгливую гримаску, нетерпеливо вырвала руку. Потом она легко взбежала на крыльцо, где стояла Пипина из Байе, и прильнула к ней. Ги чувствовал, что не в силах отвести от девушки взгляд, но когда она через плечо посмотрела в его сторону, осудил себя за суетные мысли и постарался придать лицу строгое выражение.

Тем временем подходило время службы и над шумящей толпой раздался дребезжащий удар колокола. Аббат Радон сразу затянул псалом и важно прошествовал под украшенным зеленью сводом в церковь, а за ним прошествовали и

все собравшиеся.

Ги оказался в церкви одним из последних. В дверном проеме он поравнялся с высоким парнем в красной тунике. Тот окинул его насмешливым взглядом, в котором, однако, сквозила еще и явная враждебность. Ги постарался придать своему лицу как можно более надменное выражение и задержался лишь затем, чтобы обмакнуть пальцы в чашу со святой водой.

В церкви пахло ладаном и свежестью от принесенной зелени. Ги огляделся, и память подсказала, напомнив, что некогда именно тут происходило его обручение с маленькой рыже девочкой. Ему тогда было скучно и он больше рассматривал скалящиеся изображения на капителях колон. Эти же изображения он заметил и теперь. Аббат Радон явно хотел, чтобы эта небольшая церквушка выглядела достойно, а эти маски-изображения напоминали верующим о муках грешников в аду. А вот высокие свечи в золоченных шандалах и украшенная камнями дарохранительница у алтаря, указывали, что лесное аббатство благоденствует и Господь милосерден к служащим ему тут монахам.

Ги был благочестив и постарался сосредоточиться на службе. Но отчего-то сейчас им владели совсем другие помыслы и он невольно стал озирается, выискивая эту дивную девушку с рыжими волосами, что сегодня расцеловала его. Его невеста... И его кузина, двоюродная сестрица. Нет, он не может взять ее в жены! Но что там говорила дама Пипина,

что их родство с Эммой не такое близкое, как он себе решил?

А потом он увидел ее. Она все еще была в венке, даже тут в Божьем доме, но отчего-то это не казалось Ги кощунственным. Может потому, что девушка распевала псалом, молитвенно сложив руки, а глаза ее были устремлены к распятию на стене? И Ги вдруг понял, что эта девушка – бесценный дар, который сулит ему судьба, и он должен любить и оберегать её, и больше того – посвятить ей всю свою жизнь.

Чья-то широкая спина загорела дивное видение. Юноша словно вернулся с небес на землю, почувствовав резкую вонь куртки из плохо выделанных волчьих шкур, надетой на стоявшем перед ним человеке. Ги невольно посторонился, бросив косой взгляд на незнакомца. Им оказался рослый торговец-лоточник, которого он видел в толпе перед церковью. Ги невольно поразило хищное, свирепое выражение его лица, пристальный напряженный взгляд, устремленный поверх голов молящихся. Юноша невольно проследил за этим взглядом и убедился, что тот неотрывно вперен в сверкавшие драгоценные сосуды церковной утвари. Дьявольский металл – золото – вот что приковывало столь жадное внимание коробейника.

Человек ничтожен и подвержен слабостям, дьявольские соблазны постоянно преследуют его, – вспомнил он слова своего наставника в обители Мартина Турского. Но эти мысли как мелькнули там и исчезли, ибо он увидел, что рыжая девушка в венке оглянулась, словно кого-то высматри-

вая среди собравшихся. А когда их взгляды встретились, она чуть кивнула ему и улыбнулась своей милой ласковой улыбкой.

Все это был лишь момент, но Ги понял, что Эмма выделяет его из всех, а значит... И с невольной дрожью он понял, что безумно рад, что приехал сюда и теперь их жизни неразрывно связаны. Ибо она была его невестой, она уже принадлежала ему, и их родители – оба – желали этого союза. И ему стало даже стыдно, когда вспомнил, что еще вчера вечером он настолько упорно настаивал на расторжении их помолвки, что отец едва не поколотил его.

Месса тем временем продолжалась. Пока аббат читал молитвы, паства стояла на коленях, повторяя за ним слова. Ги тоже старался поддаться тому восторженному чувству, что всегда овладевало им в церкви – но не мог. Помимо воли он думал об Эмме, вспоминая запахи цветов её венка и горячего молодого тела, которые ощутил, оказавшись там, перед папертью, так близко от нее, легкое прикосновение губ к своему лицу. Странное волнение охватывало его. Теперь, чтобы лучше видеть Эмму, он вышел из-за колонны, слушая грубую латынь проповеди отца Радона, и не сводил с девушки глаз. О, как ему хотелось, чтобы служба скорее закончилась и он вновь смог оказаться подле нее! Ему тем сильнее хотелось этого, ибо эта девушка опять то и дело оглядывала в его сторону, её яркие губы складываются в дразнящую улыбку, а на щеках появляются лукавые ямочки.

Наконец паства вкусила Причастия, и тотчас прозвучало долгожданное: «Идите, месса кончена». Ги стал пробираться туда, где стояла Пипина и ее улыбчивая дочь, но тут Эмму окружила толпа молодежи, среди которой топтался и здоровенный детина в красной тунике. Похоже, он был в этой глуши заводилой – когда он что-либо говорил, все, в том числе и Эмма, слушали его со вниманием, причем девушка улыбалась парню так же лукаво и дразнящее, как и недавно своему жениху.

Юноша даже опешил. И пропустил момент, когда молодежь веселой гурьбой выскочила под полукруглой аркой свода из церкви, причем с ними была и Эмма, а ее рука покоилась в ладони парня в красной рубашке. По пути тот успел бросить в сторону графского сна торжествующий взгляд.

Глава 3

Праздничное пиршество должно было состояться на лугу за строениями аббатского селения. Там монахи и помогавшие им крестьяне установили дощатые столешницы на козлах, от аббатства вереницей двигались послушники, неся угощение – сыры, белые и черные кровяные колбасы, вареные яйца, вяленую рыбу, молочные напитки в деревянных сосудах, а так же тыквенные бутылки с сидром и бурдюки с вином. Селянки раскладывали на столешницах теплые, утренней выпечки, на листьях лопуха выкладывали пучки лука, сельдерея, петрушки. Праздник должен был состояться как и должно при богатеющем аббатстве, поэтому аббат Радон и распорядился зарезать несколько барашков из монастырского стада и пару свиней – и теперь их туши вращали на вертелах над грудями угольев от костров. После скудной пищи зимних месяцев этот пир должен был стать событием, о котором еще долго будут вспоминать, когда придет пора набивать желудок вареными кореньями, запивая их водой из ручья.

Пока шли приготовления большая часть молодежи предпочитала оставаться на лугу, где юноши устанавливали майский шест – специально выбранный для этой цели прочный и длинный ствол березы, который очистили от ветвей почти доверху, оставив лишь зеленую верхушку, которую девушки

щедро украсили гирляндами цветов, в которых преобладали уже начавшие никнуть пучки ландышей – цветов мая, приносящих счастье.

Ги в одиночестве стоял под сенью церковной галереи. По сути он был удивлен, увидев в этом краю такое беспечное веселье. А ведь это селение и аббатские постройки даже не были окружены защитной стеной! Среди густых лесов Луарского края как бы затерялся этот крохотный клочок земли обетованной, куда стекались беженцы и изгои, чтобы познать тут покой и достаток. И юный Ги, переживший в свои годы за мощными стенами обители Святого Мартина не один набег, повидавший немало осад и стычек, непременно бы вознес хвалу Создателю за то, что в этом страждущем мире имеется такое спокойное и умиротворенное обиталище, но вместо этого он лишь следил за рыжеволосой девушкой в венке. Больше того, глядя, как ее тонкая фигурка льнет к парню в красной тунике, как она кокетничает и смеется с ратниками его отца, Ги испытывал неведомое доселе чувство обделенности. Это ведь его невеста! Но она уже словно забыла, как сегодня поцеловала его при всей толпе!

Он не заметил, как к нему бесшумно приблизилась графиня Пипина. Ее голос был негромким и спокойным:

– Господь свидетель, тебе не о чем беспокоиться. Этот Вульфрад, с которым Эмма держится за руки, всего лишь ее приятель по детским забавам. И хотя он свободный франк и сын местного кузнеца, и, пожалуй, самый завидный жених

для сельских красавиц, однако беру небо в свидетели, никогда Эмма Птичка не станет женой пахотного человека.

Ги ничего на это не ответил, но когда Пипина добавила, что Эмма может принадлежать только Ги из рода Анжельжер, юноша вдруг ударил кулаком по резной подпоре монастырской галереи:

– А не кажется ли вам, сударыня, что ваша дочь сама выбрала этого франка?

Пипина проследила за его взглядом и чуть нахмурилась: понять жениха можно – силач Вульфрад легко усадил себе на плечо Эмму, она смеялась и ловила бросаемые ей стебли цветов. И все же голос графини Байе оставался спокоен:

– Это всего лишь игра. Моя дочь знает, какого она рода, к тому же страстно желает покинуть Гиларий-в-лесу и оказаться в большом мире. Причем Эмма знает, что отпущу я ее туда лишь тогда, когда вы станете мужем и женой. Мне необходимо знать, что моя малышка будет под защитой сильного рода Анжельжер. А теперь успокойся и идем. Мы с твоим отцом должны обсудить все, что необходимо для совершения вашего брака.

Майские песни полны любовного томления, и тем не менее справлять свадьбу в мае – дурная примета. Именно поэтому венчание Ги и Эммы решено было перенести на конец июня. Фульк и Пипина при посредничестве повеселевшего после отвеживания доброго совиньерского вина Радона, установили размер выкупа за невесту и приданого. При-

сутствие жениха и невесты при сговоре считалось совершенно не обязательным, однако Ги слышал каждое их слово, сидя за длинным столом, где женщины и послушники расставляли угощение. Юноша молчал, пристально наблюдая за молодежью у шеста. Нет, он больше не настаивал на своем желании надеть монашеский клобук. Но сама Эмма...

По праздничной традиции ее избрали королевой мая, и она снова пела, а затем повела хоровод, обходя все селение и останавливаясь у каждого дома с заздравной песнью. При этом она вновь оказалась на плечах у Вульфрада, и Ги испытывал то боль, то обиду, а то вдруг непривычную ему ярость. В обители Мартина Турского ему внушали, что христианин должен смотреть на мир со смирением, и Ги считал, что только так, кротко смиряясь, можно поддержать в этом страшном беспокойном мире законы Божьи. Но вот сейчас он понимал, что еле сдерживается, чтобы не намекнуть кому-нибудь из вассоров отца, чтобы пошли и надавали пинков этому Вульфраду. Свободному франку, видишь ли! Да что он сможет, пахотный человек, если против него станет обученный воин графа Анжу!

Пожалуй Ги останавливала лишь мысль, что как к нему самому отнесется при этом Эмма. Вот если бы Ги сам мог пойти и потребовать свою невесту! Однако высокий тонкий Ги понимал, что ему не устоять против крепкого сына кузнеца.

Неожиданно к нему подсел воин со шрамом. Эввар, ка-

жется – Ги еще не знал по имени всех вавассоров своего отца.

– Думаю тебе не стоит терять время, парень, – довольно дружелюбно произнес длинноусый воин. – Лучше уведи девушку из толпы. Чего тянешь? Видишь, вон бродит со своим коробом немой лоточник. Купи у него какую-нибудь безделушку и отнеси этой Птичке. Поверь это куда лучше тех стеблей цветов, что ей дарят местные воздыхатели. И уж после подарка у тебя будет полное право пригласить невесту прогуляться вон в тех зарослях.

Ги не двинулся с места и даже не ответил Эврару. Он сын графа и сам знает, как ему поступать! Однако, едва мелит отошел, как Ги едва ли не бегом кинулся к лоточнику.

Немо торговец разложил свои товары возле боковой калитки аббатского двора. Деревенские кумушки восхищенно ахали, разглядывая его немудреный товар – медные застежки-фибулы для плащей, нашейные гривны, ожерелья из клыков волка, оберегающие от дурного глаза. Были тут и стеклянные бусины на кожаном ремешке, и костяные резные амулеты, затейливые пряжки для сандалий и поясов. Лоточник обменивал свои товары на кровавые колбасы и горшочки местного лесного меда, а за бронзовую булавку с блестящим хрусталиком на конце выменял новое топорище.

Когда подошел Ги, лоточник глухо и нетерпеливо мычал, на пальцах объясняясь с покупателями, но обычного азарта купца, у которого идет торговля, в нем не чувствовалось. Юноша даже заметил, как одна из деревенских красоток ста-

щила с его лотка медную пряжку, а коробейник, таращась куда-то на лес, даже не заметил этого. Не долго разориться, если так обращаться с товаром. Кроме того этот лоточник в своей длинной лохматой безрукавке, с голыми, мощными ногами, перевитыми до колен ремнями грубых башмаков, да еще и возвышающийся почти на голову над всеми окружающими, больше походил на воина или лесного разбойника, чем на угождающего покупателям торговца.

Ги склонился над его лотком. И почувствовал, что вокруг все притихли, глядя на него с насмешливым любопытством. И он наугад выбрал первое, что попало: головную повязку из кожи с посеребренными чеканными узорами в виде звездочек.

– Сколько?

Немой торговец молча растопырил широкую ладонь.

– Пять динариев?

Ги решил, что это, пожалуй, слишком дорого для столь суетной вещи, и, хмыкнув, бросил побрякушку обратно.

В тот же миг он увидел, как маленькая белая ручка скользнула из-за его спины в короб. Он вздрогнул. Рядом стояла Эмма, лукаво поглядывая на него и перебирая содержимое короба. Ги видел её опущенные пушистые ресницы, точный нос, мягкую ямочку улыбки на щеке и снова испытывал странное волнение, словно не будучи в силах сделать вздох из-за пылающего в груди жара.

Девушка взяла в руки браслет из навитых спиралью ко-

лец, оканчивавшихся змеиными головами со стеклянными бусинками глаз, и посмотрела сквозь него на солнце.

– Какая красота! И что ты хочешь за него, бродяга?

Хмурый лоточник, глядя на нее из-под спутанных волос своими желтыми рысьими глазами, растопырил обе ладони, а потом добавил еще пятерню и два пальца.

– Семнадцать? Ты требуешь семнадцать динариев? Да тебя стоит высечь, проклятый разбойник!

В первый миг Ги лишь удивился, что эта девушка так быстро считает, но уже в следующее мгновение, торопясь, словно опасаясь не успеть, принялся отсчитывать деньги.

Рыженькая Эмма смотрела на него и улыбалась. И как мило боднула его головой в плечо, когда получила украшение. Ну не поцеловала, как ранее, но все же... И теперь он и впрямь может предложить ей прогуляться с ним вон за теми зарослями.

Ги не успел ничего сказать, когда раздался громкий рев трубы. Дородный монах, рядом с которым восторженно прыгали двое белоголовых малышей-близнецов, весь багровый от напряжения, дул в старинную медную трубу – этот звук должен был послужить сигналом к началу пиршества. И тотчас со всей лесной долины успевшие проголодаться люди поспешили к выстроенным у ручья «покоем» столам.

Ги заметил, что к Эмме подошел Вульфрад, но она словно не заметив его, взяла за руку одарившего ее жениха и так, в паре, они и пошли туда, где рассаживались ха столами.

Теперь им предстояло воссесть за верхним столом, единственном покрытом скатертью, где уже устроились настоятель, графиня Пипина, ее брат Фульк и его ближайшее окружение. Еще до начала застолья многие из них уже выпили, держались весело, причем сам граф шумел и говорил громче других, даже напоминал аббату о некоей Бертинской пустоши, выгодное угодье, за которое у них неоднократно шел спор.

Ги заметил, что Пипина явно занервничала, когда Радон и ее брат стали повышать голоса в споре и поспешила перевести разговор на другое. И пусть ее манеры были неспешными, а голос негромким, она могла повлиять и на подвыпивших мужчин – чувствовалась былая привычка графини повелевать. К тому же, в своем скорбном темном одеянии, с простым обручем, она смотрелась тут едва ли не королевой из сказаний. И было понятно, как некогда она была хороша.

Даже манера есть госпожи из Байе выдавала ее благородное положение и воспитание: пищу она брала самыми кончиками пальцев, жевала медленно, с достоинством, словно такие обильные пиршества приходились ей вовсе не в диковинку. А вот большинство присутствующих ели так, словно задались целью продемонстрировать мощь и объем своих желудков. Они хватали мясо руками, разрывая его на куски, шумно чавкали и выплевывали кости, заглатывали огромные куски. Жареную баранину заедали копченым лососем, красную морковь грызли вперемешку с мочеными яблоками,

бросив в рот горстку соли, закусывали её грудкой каплуна, за которым следовали мед в сотах и зелень салата, а также приправленный тмином мягкий сыр. Особенно усердствовали косматые жители лесных деревень. Монахам даже приходилось следить, чтобы они, урча, как звери, не затевали драк из-за всякой луковицы либо куска кровяной колбасы.

Ги медленно очищал скорлупу вареных яиц тонкими пальцами и макал их в солонку, не поднимая глаз. Эмма сидела как раз напротив него, не сводя с его лица открытого и любопытного взгляда. Спустя несколько минут юноша почувствовал, как легкий башмачок под столом коснулся его колена, и сейчас же закашлялся, взглянув на Эмму. Девушка вызывающе улыбнулась, и вновь ямочки на её щеках привели юношу в неопишемое волнение.

Эмма находила, что её жених не дурен собой. У него гладкая кожа, темные, узкого разреза глаза с мохнатыми ресницами. Она ничего не упустила – ни выющихся зачесанных назад смоляных кудрей, ни благородной манеры держаться, ни узковатых плеч, ни гордой, как у отца, посадки головы. Проницательным женским взглядом она оценила его черное одеяние из прекрасного фризского сукна, украшенное вышивкой черным шелком на рукавах. Черное на черном... Привыкнув, что в одежде все должно быть ярким и бьющим в глаза, Эмма нашла в этом новшестве нечто чрезвычайно изысканное. На груди Ги покачивался крест, что придавало ему сходство с монахом, но крест этот был из великолепного

светлого серебра с вкраплениями черных агатов. А его чеканный пояс с кинжалом в богатых ножнах был куда изящнее, чем тот, что сковал себе Вульфрад и теперь щеголял в нем перед сельскими красотками. Но думать о том, что она водит Вульфрада, как ручного медведя на привязи, сейчас не хотелось. Пусть Вульфрада заберет себе шустрая малышка Сизенанда, укравшая сегодня у лоточника украшение. Это она о нем страдала все время. А вот Эмме теперь интересен Ги из рода Анжельжер. И она снова толкнула его ногой о колено под столом.

Ги только пуще покраснел. Как ему теперь себя вести?

Сидевший рядом Эврар заметил происходящее и негромко рассмеялся:

– В малышке просто бес сидит. Клянусь небесным светиллом, на твоем месте я бы не спешил предстать с ней перед алтарем. Уж по крайней мере тебе следует сперва вызнать, не получил ли твою сговоренную невесту кое-то из этих...

Эврар не договорил, когда Ги резко повернулся к нему:

– Она дочь графа Байе и моя невеста. Будь любезен, Эврар, в дальнейшем отзываться о ней с сугубым почтением.

Кривая ухмылка тронула губы мелита, усы его дрогнули.

– Если меня не подводит память, кто-то еще вчера клялся всеми святыми, что готов посвятить себя Господу и несколько не помышляет о браке. А сегодня я убеждаюсь, что сам Адам так не таял в раю перед Евой, протягивающей ему плод, как этот маленький святоша, забывший вдруг все свои

намерения ради рыжей вертихвостки.

Ги надо было ответить дерзкому, но смолчал. Просто смотрел, как юродивый местный послушник протягивает Эмме музыкальный инструмент с длинным грифом. А все вокруг улыбались и просили девушку спеть.

Эмма и сейчас не заставила долго себя просить. Настроив лютню, она взяла несколько аккордов и вновь, заставляя умолкнуть шум собравшихся, взлетел её божественный бархатистый голос:

*Эй, наполните рога,
Даром лозы виноградной,
Сам бог Луг⁴³
Вступает в круг
С песнею отрадной.*

Ги невольно нахмурился. Это была старая языческая песня о прежних богах, которых Церковь почитала демонами. Удивительно было слышать её из уст девушки, выросшей при аббатстве. Тем не менее монахи явно не были этим обескуражены, и Ги почувствовал, что здесь, среди лесов, еще более чем живы старые верования и предания. Сам преподобный Радон, размахивая чашей, подхватывал, когда Эмма в песне обращалась к богу-олению Цернуосу, чтобы тот послал удачу на охоте, а бог лесов Эсус пособил бы раскорче-

---

⁴³ Луг – древнее божество галльского языческого пантеона.

вать лес под пашню, Эпона же всадница, богиня лошадей, послала бы резвости молодым скакунам.

*Эпона, приведи коня,
Помчимся мы уздой звеня...*

Никого здесь это не возмущало. Один лишь дряхлый брат Тилпин, возведя очи горе, не участвовал в веселье, а бормотал молитву за молитвой, перебирая четки. Когда же песня смолкла, он поднялся, чтобы вразумить непокорную паству, но в него полетело столько обглоданных костей, что несчастный монах поспешил скрыться под столешницей.

Эмма смеялась, испытующе глядя на Ги, а тот вдруг заметил, что смеется со всеми. Вино ли, общее ли веселье, или очевидная благосклонность девушки окрылили его.

Рядом граф Фульк, стуча железным наручнем о столешницу, уже громогласно зывал:

– Мою любимую, Птичка, о мече и кресте!

Девушка вновь пела:

*Когда монах в кругу свечи
Воюет с бесом во тьме ночной,
Куют для воинов мечи —
Беречь молящего покой...*

Дружинники Фулька, сам граф, от воодушевления вскочивший на скамью, монахи и даже монахини громоподобно

подхватывали припев, и Ги раздражали их грубые выкрики и лязг железа, сопровождавший пение.

*Крест нам сияет с вышины,
И меч сулит нам правый суд —
Исуса Навина сыны
Христову заповедь несут!*

Далее пелось о мощи меча, защищавшего крест. Вспомни-ла звонкую славу Дюрандаля графа Роланда, Жуайез – клинок великого императора Карла, легендарный Экскалибур короля бритов Артура. Коснулась она и нынешних времен.

И хотя припев гремел все так же мощно и шумное веселье не смолкало, многие лица помрачнели. Ибо теперь Эмма пела о норманнах, проклиная и суля им свидание с адом. Норманны! Зло, обрушившееся на франков за нетвердость в вере, за прозябание в мирской суете. Есть ли грех столь смрадный, чтобы нести за него подобную кару? Едва ли во всей этой толпе нашелся бы хоть один человек, не пострадавший от дьяволов-язычников с севера. Даже весельчак Радон сдвинул брови и подпер щеку ладонью.

– Христовы заповеди! Что-то слабеет славное оружие свободных франков, коль язычники изгоняют их с исконных земель. Ну-ка, грозные воины, когда в последний раз вас, как паршивый скот, норманны заставили удирать?

Ратники сердито загалдели. Один молодой и горячий мелит с силой вогнал секиру в стол, крича, что попу, как и ба-

бе, носящей длинную одежду, не пристало судить о победах и поражениях.

Граф Фульк оторвался от собственного шлема, из которого лакал вино.

– Грех вам жаловаться, лесные святоши! Ваша обитель лежит в глуши, в стороне от дорог, вот уже сколько лет, как вы живете в мире и достатке. Ишь, рожи отъели, братья-постники!

Дувший двумя часами ранее в медную трубу плечистый монах Серваций мрачно заметил:

– Зря вы так говорите, мессир! Многие из нас пришли в Гиларий-в-лесу из Сомюра. Мы помним, как там бесчинствовали демоны с драконьих кораблей, сжигая дома, въезжая в церкви верхом, поднимая на копьях наших детей и насилая женщин. Тогда все, кто мог ходить, взялись за оружие, но встретили лишь смерть или ярмо плена. Лишь несколько монахов, и я в их числе, успели укрыться в лесах, оставив позади дымящиеся развалины города.

Люди стихли, внимая его рассказу. Многие из них тоже были беженцами из Сомюра и живо помнили события тех дней. Сам брат Серваций пришел в Гиларий-в-лесу словно бешеный бык, и долгое время к нему нельзя было даже подступиться, пока его не приворожила Тетсинда из монастырских литов и не родила ему близнецов. Настоятель Радон смотрел на этот союз сквозь пальцы, ибо Сервацию, травнику и врачевателю, успешно пользовавшему как людей, так и

скотину, в обширном монастырском хозяйстве цены не было.

– Храни нас Господь от ярости норманнов! – громко произнес, складывая ладони, аббат, и все, сидевшие за столами, опустившись на колени, принялись молиться. В наступившей тишине жутковато прозвучал дребезжащий смешок блаженного Ремигия.

Граф Фульк вдруг с силой грохнул по столешнице кулаком.

– Клянусь верблюжьим рубищем Иоанна Крестителя, все вы тут в Гиларии такие же дураки, как и этот блаженный. Вы веселитесь как дети, поете, корчуете лес, пашете землю, поете псалмы. Многим ли помогли молитвы в Париже, если бы не славный король Эд? И тем не менее вы отталкиваете мою протянутую руку. Молчи, Радон! Твой Гиларий слишком разросся. Сомюр все еще лежит в руинах, корабли норманнов что ни день бороздят Луару, а их лазутчики шныряют по берегам в поисках поживы. Храни вас Бог, но если вы откажетесь от моей защиты, вы рано или поздно узнаете, что такое свирепость людей с севера. И это так же верно, как «Отче наш». Ибо как запах меда влечет медведя к лесному дуплу, полному пчел, так запах достатка манит викингов к легкой добыче.

Он замолчал, тяжело дыша. Радон хмуро глядел на него.

– А чем ты лучше норманна, Фульк? Ты полагаешь, нам, в глуши лесов, неведомо, как ты сам разоряешь монасты-

ри? Ты сам словно плевок сатаны, когда желаешь покорить неподвластные тебе владения!

Фульк шумно задышал, поднялся, отбрасывая длинные косы за плечи. Да и аббат стал подниматься, закатывая рукава сутаны и сжимая кулаки.

Тут между графом и настоятелем встала высокая тонкая фигура Пипины.

– Во имя самого Спасителя, страдавшего за нас на Кресте, уймись сейчас же!

Она взволнованно дышала, когда оба, угрюмо потупясь, сели, повернувшись друг к другу спиной. В этой женщине была какая-то властная, умиротворяющая сила. Однако наблюдавшего за происходящим Ги сейчас больше всего поразило выражение слепой ярости на обычно кротком лице женщины. Она подошла сзади к брату и положила руки на его закованные в броню плечи.

– Скажи, Фульк, скажи во имя самого неба, неужели нет на всей земле франков места, где бы христианин победил норманна?

Фульк сосредоточенно сопел, теребя рыжую косу. Потом скал:

– Вспомни, Пипина, разве покойный брат нынешнего короля Людовик III не разбил их в Сокур-ан-Виме в год твоей свадьбы с Беренгаром Байе? Хо! А как же славная победа короля Эда на Монфоконе, когда он разгромил викингов так, что...

– Но это было так давно, Фульк!

Граф беспокойно заерзал.

– Я сам не раз отбивал их налеты на Тур и Анжу, – несколько неуверенно проговорил он, поскольку ему приходилось сталкиваться лишь с разрозненными отрядами норманнов.

Отхлебнув вина из шлема и отжав промокшие усы, Фульк угрюмо заметил:

– А как одолеть этих дьяволов во плоти, если тогда, когда язычники жгут селения и швыряют на копья детей, сами франки не хотят объединиться для борьбы с ними? Может, и правы церковники, долбящие, что норманны суть всего лишь кара за грехи христиан?

– Проклятье! – жестко, стиснув зубы, процедила Пипина. Её брат кивнул, решив, что проклятье графини относится лишь к викингам.

– Истинный крест, сестра моя. Эти псы, как проказа, гложут земли франков. В Анжу, в леса Турени что ни день прибывают толпы беженцев. Так было тогда, когда ты с малышкой Эммой на руках в веренице нищих брела в Анжу, так происходит и по сей день. Земли франков лежат пустыней от Луары о самого моря. И только волки-викинги чувствуют себя там привольно среди выжженных городов, опустевших сел, разрушенных монастырей. Недаром те края стали называть Нормандией – землей выходцев с Севера. И никто не смеет там проехать, не имея сильного отряда копейщиков.

Но и тогда двигаться стараются быстро и бесшумно, словно стремясь поскорее покинуть этот проклятый край, где царит смерть. Прежде путники теряли дар речи, видя распятых на крестах франков – этой казни в насмешку над нашей верой подвергали несчастных христиан язычники, запрещая снимать тела с крестов, чтобы они так и разлагались на символе веры. Теперь же правящий в Нормандии викинг Ролло перенял у франков виселицу...

Он недоговорил. Пипина Анжуйская, до этого молча, со скорбным лицом, стоявшая за плечами брата, вдруг вскрикнула, словно от боли, и, схватив брата за косу, запрокинула его голову назад.

– Что ты сказал, безумец! – воскликнула она, и лицо её исказилось гримасой такой неистовой ненависти, что Фульк так и остался смотреть на нее растерянным взглядом снизу вверх. – Что ты сказал? Ролло? Дьявол Ролло, тот, что разрушил Байе?!

В тот же миг Эмма метнулась к матери.

– Ради самого неба, матушка, ради нашей христианской веры, успокойтесь! Молю вас, возьмите себя в руки!

Её легкомыслие и веселость как ветром сдуло. Она была сосредоточена и нежна, но у нее хватало силы, чтобы бережно усадить Пипину за столом, и удерживать ее, обнимая. При этом она бросила на графа Фулька отнюдь недружелюбный взгляд.

– Дядюшка, ведь вы знаете, что для нее значит это имя!

Фульк засопел и не нашел лучшего выхода, как вновь погрузить усы в шлем с красным, как кровь, вином.

– Смиритесь, сестра моя в Господе, – словно вспомнив о своих пастырских обязанностях, начал преподобный Радон, но его речь прерывалась пьяной икотой, и он предпочел умолкнуть.

– Ролло... – твердила Пипина, словно в трансе. – Ролло жив!.. Этот зверь не мог уцелеть после того, как его же сталь поразила его гнилое нутро! Он захлебывался кровью – я видела это своими глазами!

Эмма нашептывала метрии слова утешения.

– Забудь, забудь все, родная моя. Это ушло. И тот человек давно умер, ты ведь знаешь.

Наконец напряжение отпустило графиню. Эмма хотела ее увести, но графиня Пепина стала говорить ровно и монотонно:

– Он ворвался с севера, как проклятье. Ролло, князь язычников, прозванный Пешеходом, ибо в нем сидел сам дьявол и даже лошади боялись его и сбрасывали, когда этот оборотень садился верхом. Он разорил наши края, и, казалось, нет преград его безумию. Но в те времена люди все же решались сопротивляться северным грабителям. Сам король Эд подавал им в этом пример. И мой покойный супруг следовал по его стопам. Норманны знали, кто такой Беренгар из Байе, ибо много их черной крови пролил он на землю королевства франков.

А потом Ролло и его демоны осадили наш город Байе, грозя предать его огню и мечу, если жители не заплатят огромный выкуп – десять сотен золотых. Были среди нас и такие, кто впал в малодушие и пытался собрать выкуп, но мой муж – упокой Господи его смелую душу – сказал, что эти разбойники вряд ли пощадят жителей, даже если выкуп будет уплачен. Ведь известно, что их сатанинский бог Один питается кровью и они приносят ему великие жертвы, убивая христиан. Ты помнишь ли те времена, Эмма?

Девушка пожала плечами.

– Я помню только толпу, крики, бой набата...

– Да, ты была еще слишком мала, дитя мое. Как и твой братец, мой сын Эд.

Пипина перекрестилась, и Эмма, а затем и другие слушатели последовали её примеру.

Теперь за столом воцарилась тишина. Люди с жадностью слушали вдову графа Беренгара, ибо его имя было славным и поныне. Хотя он и проиграл...

Пипина говорила спокойно и отчетливо. Её лицо оставалось бледным, а светлые глаза расширились, как у сомнамбулы, словно она воочию видела прошлое.

– Жители Байе отстаивали свой город так, как если бы речь шла о спасении их души. Они лили кипящую смолу на головы язычников, осыпали их стрелами и дротиками, даже женщины, оставив домашние дела, взошли на стены, а дети ползали среди трупов защитников, подбирая стрелы и кам-

ни для пращей, и относили их сражавшимся. И хотя викинги были упорны, как дьяволы, их трупы сотнями скапливались во рву у стен города, и их кровавый бог вынужден был лакать кровь собственных детей. Граф Беренгар – да будет память его светла – ни на час не покидал стену и бился как сам Давид, вдохновляя своим примером даже тех, кто пал духом и уже ни на что не надеялся. В редкие минуты затишья, на закате дня, монахи из храма святого Экзюпери обходили сражающихся с мощами этого святого. И Господь был милостив к защитникам. Однажды, когда они отбивали очередную атаку норманнов, им удалось захватить в плен сподвижника Ролло – Ботто, прозванного Белым. Это был огромный светловолосый великан, жизнью которого очень дорожил их кровавый предводитель. И тогда Беренгар предъявил условие, что пощадит и даже дарует свободу Белому Ботто, если Ролло уведет свою орду от стен города. И гордый викинг вынужден был смириться. Он обещал ровно на год оставить Байе в покое и увести своих людей из округи.

Пипина умолкла. Лицо её по-прежнему оставалось жестоким.левой рукой она беспрестанно теребила нагрудный крест, а правую сжимала в своих ладонях Эмма. Начавшее уже клониться к закату солнце позолотило рыжие волосы девушки, пылающие, словно пожар. Лицо её было спокойным – она не в первый раз слышала рассказ об осаде Байе и он уже ее не сильно волновал. Сейчас, слегка шурясь от солнца, она глядела на луг, где собрались те, кто не был допущен к верх-

нему столу и не стоял вокруг, слушая речи графини Пипины. Первыми утомились от пиршества дети. Они устроили бой на палках, бегали взапуски, боролись. Женщины и юноши возвращались из леса с вязанками дров и сухого папоротника для вечернего костра. Красная туника кузнеца Вульфрада алела в лучах солнца, близ него держалась ловкая воришка Сизенанада – Эмма видела, как Вульфрад играл ее светлой косой. И возможно бойкая Эмма предпочла бы быть с ними, водить хоровод с колокольчиком либо бегать среди вязанок хвороста, однако она продолжала сидеть подле матери, нежно сжимая её руку.

Теперь Пипина заговорила куда более взволнованно. Рука её с силой рванула распятие.

– Кто сказал, что можно положиться на слово язычника? И Байе заплатил реками крови за свою доверчивость. Я помню то Рождество, когда в городе началось поветрие и болезнь косила детей. Я сидела с сыном и дочерью, когда вдруг загремел набат. Мой сынок Эд уже поправлялся и сразу же кинулся к окну. Эмма же... Её счастье – девочка была в горячке и не помнит ужасов того дня. Я же видела, как они врвались в город через пролом в стене, как рубили людей, словно свиные туши, как с хохотом швыряли факелы в кровли домов... Стон, крики, удары набата летели со всех сторон. Я видела, как варвары выбрасывали детей из окон, как вспарывали животы монахам, как насиловали женщин, а затем поджигали на них одежду, смеясь до упаду. И в довершение всего я уви-

дела самого Ролло Пешехода, это сатанинское отродье, который, оскалившись, расхаживал среди дымящихся руин, неся на острие пики отрубленную голову моего супруга...

Потом я потеряла сознание, а когда очнулась, то уже была пленницей дьявола. Я стала его жертвой, его игрушкой. Своими окровавленными руками он надевал мне на шею золотые побрякушки, сажал меня рядом с собой за пиршественный стол, заставлял глотать вино. Я ничего не знала о детях, думала – они погибли. Но позднее одна из монахинь, которую викинги оставили в живых, поведала, что Эмму спасли, спрятав среди руин монастыря... А моего Эда зарубили. Все это сделал бес по имени Ролло. И все же высшая справедливость существует. Его настигла кара! И не лгите мне, что он жив! Я сама видела его тело, пригвожденное к ложу его же мечом. Я видела его обезумевшие от ужаса глаза и кровавую пену, пузырящуюся на синих губах. Этот человек мертв! Это так же истинно, как христианская вера!

В голосе женщины слышалась нескрываемая боль. Она почти кричала. Слушатели хмуро молчали, не смея перечить, хотя многие среди них знали, что викинг Ролло и сейчас властвует над Нормандией, воюя как с франками, так и со своими соотечественниками, потому что решил сделать завоеванные земли своим уделом. Однако никто не смел сказать об этом Пипине Анжуйской. И когда она выговорилась, Эмма увела в башню их небольшой усадьбы.

Какое-то время за столом стояла тишина. Послушник ду-

рачок Ремигий, весь перепачканный бараньим салом, безмятежно спал, напившись сладкой наливки. Маленький брат Тилпин со вздохом изрек:

– Да, видимо, велики грехи франков, если Господь решил всей мощью своею обрушиться на сей народ.

Фульк повел рыжей бровью в его сторону. Потом потрянул головой, зазвенел украшениями в косах, словно отгоняя мрачные мысли.

– К дьяволу! Сегодня все же праздник, а грустить сподручнее в будни.

И сейчас же провозгласил здравицу во славу Господа, святого Гилария и герцога Нейстрийского Роберта.

Ги тоже выпил свою чашу, предварительно разбавив густое вино светлой ключевой водой – он опасался опьянеть. И снова следил, как его невеста веселиться в кругу молодежи: взяв в руки колокольчик, она, взяв у белокозой подруги колокольчик, снова повела за собой вереницу хоровода.

Ги следил за ней не зная, пристало ли ему, графскому сыну, еще вчера подумывавшему о монашеском клобуке, участвовать в подобных сельских увеселениях. Но едва он решил подняться, как его отец потащил сына смотреть на противоборство его воинов. И Ги пришлось стоять среди азартно вопящей толпы, наблюдая, как мелиты соревнуются в метании копья и молота, а то и устраивают поединки на длинных, в рост человека, палках. Причем, к удивлению ратников Фулька, здоровенные монахи Гилария-в-лесу ни-

чуть не уступали им в ловкости и силе. Даже Фульк, который тоже вступил в единоборство, опешил, когда в бою на палицах его стал одолевать монах Серваций. Преподобный Радон много хохотал, глядя на поднимающегося с земли оглушенного ударом по шлему графа.

Ги еле удалось вырваться из толпы, вернее это Эввар помог избежать участия в единоборствах, которым юноша никогда не обучался.

– Идем, парень, посмотришь, как твоя невеста раздает поцелуи всякому, кто пожелает, – посмеиваясь в усы заметил Меченый.

Ги лишь закусил губу, но смолчал. А что он мог ответить, когда и сам понял, что сельские юноши сейчас соревнуются за награду в виде поцелуя от его невесты. На высоком шесте висела, поблескивая, какое-то украшение, и парни достав свои луки и пращи, старались сбить его с самой верхушки. Причем всякий соревнующийся перед броском бросал выразительный взгляд на Эмму Птичку. А она, стоявшая в окружении подруг, выделялась столь яркой красотой среди них, словно отшлифованный рубин среди речной гальки. А порой даже подбадривала то того, то иного из участников, улыбалась и игриво надувала свои красивые яркие губы.

«И это будущая графиня Анжуйская! – хотелось возмутиться Ги. – В ней нет ни на йоту величия и достоинства ее матери».

И тут Эввар сказал:

– Что же ты медлишь, господин Ги? Или ты лишь для отвода глаз носишь лук и стрелы у седла? Я ведь знаю, что ты помогал при осаде Тура, и говорят, метко стрелял, когда норманны напали на город. Иди же, сделай рыжей Птичке подарок. Или ты уже передумал со свадьбой?

Ги смолчал. Что он мог ответить? Умение спускать тетиву еще не было умением метко разить цель. Да, он помогал при осаде Тура, но не был уверен, что прикончил хоть одного язычника. И меньше всего ему хотелось под смешки удалиться от шеста, так и не вручив Эмме подарок.

Он весь подобрался, увидев, как вперед вышел Вульфрад. Эмма помахала ему рукой. Вульфрад что-то крикнул, и все вокруг засмеялись. Девушка тоже смеялась, потом что-то прокричала в ответ, так что Вульфрад даже голову запрокинул, хохоча, и согнулся, уронив стрелу.

– Он не попадет, – уверенно сказал Эврар. – Слишком уж неуклюж и весел. Да и ветер раскачивает верхушку шеста.

Лицо Ги все же оставалось напряженным. Эврар с ухмылкой наблюдал за ним.

– Погубит тебя эта девка, малыш. Ей ведь все равно, кому подарить поцелуй, лишь бы получить побрякушку.

Ги не слышал. Он улыбался – стрела Вульфрада пролетела мимо цели.

– Что ты сказал. Меченый?

Эврар вздохнул.

– Просто я сочувствую тебе, парень. Ибо, клянусь небес-

ным светилом, эта рыжая – не по тебе. Сбей сейчас этот бык в красном побрякушку – твоя невеста целовалась бы с ним на глазах у всех, а бедный женишок, как мул, жевал бы траву на склоне, не смея запретить ей это.

– Она не стала бы целоваться!

– Еще бы!.. У нее даже взгляд говорит: целуй меня!

Не глядя больше на Ги, Эврар оправил свой серый сагум⁴⁴ и неторопливо направился туда, где только что пустил стрелу в белый свет сам аббат Радон.

Эврар, нарочито медля, взял лук. Он не обращал внимания на шум толпы, на любопытные взгляды собравшихся вокруг лохматых ребятишек, на женские смешки. Пощупал тетиву, попробовал её на звук. Прищурившись, прикинул ветер по верхушке качающегося шеста. Лук он поднял рывком, целился недолго. Уловив момент затишья, с легким щелчком тетивы послал стрелу.

Украшенное подвесками украшение сорвалось и упало на землю. Послышался шум, а детишки наперегонки кинулись его поднимать. Эврар принял его, рассматривая: бронзовая цепочка, на которой вряд были нанизаны посеребренные бляшки и блестящие хрусталики. Местным красоткам такое подойдет. И Эврар немного вразвалку двинулся туда, где столпились вокруг королевы мая девушки. Он приблизился к одной из них, белоголовой, с толстыми светлыми косами. Круглое личико, голубые глаза под светлыми ресница-

---

⁴⁴ Сагум – воинская туника-рубаха, носимая поверх кольчуги.

ми, вздернутый носик в веснушках.

– Что, красавица, позволяешь ли поцеловать себя бывалому мелиту.

Он заметил, как улыбающаяся Эмма слегка подтолкнула к нему подругу. Похоже, её не слишком огорчила потеря украшения. Эврар пощекотал усами губы беленькой поселяночки. Та зарделась, глупо хихикнула, но тут же расцвела, когда он застегнул на её шее замок цепочки. Теперь она глядела на Эмму едва ли не с вызовом.

Эврар равнодушно ушел под сень побеленной стены аббатства, уселся, достал секиру и стал полировать её тряпичей, по привычке бормоча под нос старые заговоры каленному железу и наблюдая происходящее. Кто вернулся к столам, кто остался у шеста. Донеслись звуки рожков и волынок, кто-то ударил в бубен. Стоя кружком, люди хлопали в ладоши и что-то напевали. Под пение, притопывание и хлопки менялись местами, выходили в круг, вновь менялись, передавая другим букет цветов. Постепенно стали разбиваться на пары, и самозабвенно, переступая с ноги на ногу и положив вытянутые руки на плечи друг другу, стали кружиться под монотонный напев. Монахи, забыв о мессе, тоже пустились в пляс. Даже седоголовые решились тряхнуть стариной, а дети, напившись наливки, с визгом и хохотом бегали среди танцующих, толкались, и их было невозможно унять.

Эмма танцевала, ни на миг не покидая круга. Её легкие ноги словно и не касались земли, распущенные волосы, пы-

лавшие огнем в последних лучах заката, развевались. Венок она давно потеряла, но тяжелая золотисто-медная грива волос, окутывавшая хрупкую фигурку до бедер, служила наилучшим украшением, резко выделяя её среди темноволосых и белокурых голов других танцующих. От всего её живого и легкого существа веяло страстью и юной свежестью.

«А она и в самом деле редкая красоткам», – невольно отметил Эврар, не замечая, что его рука давно замерла на широком лезвии секиры.

На фоне закатных облаков мимо него скользнула какая-то тень. Эврар непроизвольно отметил, что это торговец, который уже был без своего короба. Смутное беспокойство шевельнулось в нем, когда он увидел, как его одинокая фигура растаяла в сумраке среди пустующих сейчас построек аббатства. Однако в тот же миг Эмма втащила в круг танцующих Ги, и Эврар поневоле отвлекся.

Ги несколько растерялся, когда руки девушки легли ему на плечи.

– Я не могу... О, я не умею. Танцы – сатанинское действие...

Он осекся, увидев обиженное выражение на лице своей невесты.

– Ты не желаешь со мной поплясать?

Ги испугался.

– Желаю, ах, страстно желаю!..

Она улыбнулась.

– Тогда пляши!

Его руки, словно пугаясь, легли в её ладони, и сердце затрепетало, когда он ощутил их влажный жар. Стараясь делать, как другие, он неловко прыгал, наступал ей на ноги, они столкнулись лбами, но Эмма лишь рассмеялась.

– Я научу тебя, монашек!..

Он удивился, когда неожиданно для себя начал попадать в такт. Пьянящее чувство охватило его. Он ощущал на лице её дыхание, совсем близко видел, как покачиваются под светлым платьем округлости её груди. Огненные волосы Эммы то струились позади, то шелковистой сетью окутывали лицо.

– Я не хочу, чтобы ты танцевала с другими! – неожиданно властно проговорил он в перерыве между танцами.

Эмма улыбнулась:

– Я повинуюсь. Ты мой будущий муж, и я обязана слушать тебя.

В доказательство правдивости своих слов она демонстративно повернулась спиной к подошедшему Вульфраду.

Когда же сгустились сумерки и влажный вечер спустился в долину, когда у ручья запылал первый костер, наступило время веселой фарандолы. Взавшись за руки, поселяне шли гуськом, напевая и все убыстряя темп, переходя от ритмичных приплясываний к бегу и прыжкам. Заводилой, как обычно, была Эмма. Одна рука её лежала на поясе, другой она вела за собой Ги, тот держал руку белокурой Сезинанды, за ними следовали брат Серваций и остальные. Полуди-

кие жители лесов тоже были вовлечены в веселый хоровод и, придя в исступление от такого веселья, неистово завывали, заглушая звуки волынок и рожков надрывающихся монахов-музыкантов. Блаженный Ремигий, с разинутым в безумной улыбке ртом, хихикая, хлопал в ладоши и прыгал среди детей.

Поначалу фарандола кружила между костров, затем Эмма повела её вокруг церкви и далее, между хижин селения. Привязанные собаки исходили лаем. Танцоры, охмелевшие от вина и вдобавок опьяненные весельем, с хохотом, визгом и прыжками, спотыкаясь и падая, вереницей неслись мимо хлебов, перескакивали через ограды, вновь вернулись на луг. Когда они закружили среди столов, где доедали остатки пиршества не участвовавшие в общей фарандоле, один из столов опрокинулся, хоровод смешался, образовалась шумная хохочущая толпа.

Маленький брат Тилпин, которого еще прежде по подсказке Фулька накачали вином, чтобы не приставал со своими суровыми филиппиками, и все это время мирно спал на скамье у поваленного стола, внезапно оказался в центре событий. Он испуганно выбрался из толпы, озираясь вокруг бессмысленными, по-совиному широко открытыми глазами. Сам аббат, все еще раскатисто смеясь, подхватил ученого брата под руку, отвел под стену церкви и бережно уложил там среди лопухов, ласково поглаживая по голове.

Эмма и Ги стояли неподалеку, все еще смеясь и не разь-

единяя рук. Юноша был благодарен своей невесте за ту благодатную легкость, которая словно переливалась в него. Никогда в жизни ему не приходилось так веселиться. А потом случилось чудо – Эмма прильнула к нему, кротко вздохнув, лицо её оказалось близко-близко, огромные глаза светились совсем рядом, а влажные губы блестели. Он замер, оглушенный стуком её сердца, бьющегося у самой его груди, погрузившись в тепло её волнующе легкого тела. Эмма с вызывающей полуулыбкой снизу вверх смотрела на него, и он, не сознавая, что делает, обнял девушку за талию, ощутив её податливую хрупкость.

Эмма опустила ресницы, лукавые ямочки обозначились на её щеках. Она мягко разомкнула его руки и вприпрыжку, как ребенок, побежала к гостям.

– Дядюшка Фульк, а теперь пусть твои воины порадуют нас танцем с мечами!

Эмма уже не смотрела на Ги, стоя подле Фулька. Тот, смеясь, потрепал её по щеке. Рядом с широкоплечим Фульком и его рослыми вавассорами она казалась особенно хрупкой. С воинами графа она держалась непринужденно, не дичилась их, как прочие деревенские девушки.

Ги все еще оставался на месте, не в силах успокоить бешеный стук сердца. Заметив брошенный в его сторону быстрый взгляд Эммы, он вдруг ощутил себя безмерно счастливым. Она его невеста, она всегда будет рядом с ним! И ему всегда будет так же хорошо, когда она рядом. Он подумал о её теле,

о её губах, и все его существо наполнилось нетерпеливым желанием. Ох, скорее бы их соединили у алтаря, скорей бы благословение церкви предало их друг другу!

Ги нисколько не занимала пляска с мечами. В отличие от жителей лесной долины, он часто видывал её на праздниках в Туре. Сейчас же ему хотелось сделать Эмме какой-нибудь подарок, хоть как-то отблагодарить её за принесенную радость. Он вспомнил бродячего коробейника и недурную женскую головную повязку среди его вещей. Непременно нужно поднести её Эмме.

Он довольно долго искал немого парня. Казалось, его рослую фигуру нетрудно заметить в толпе, и тем не менее Ги нигде её не видел. На лугу уже начался воинственный, танец с мечами, когда Ги направился в селение. Здесь было тихо, так как даже полуживые старики сползлись поглядеть на диковинный танец благородных воинов. Свирепо залаяла собака, рванувшись на привязи. В пустом хлеву бляла коза.

«Не мог же он уйти в лес?» – недоумевал юноша. За селением в сумерках смутно светлели очертания притихшего аббатства. В этот вечер даже колокол не звонил, ибо упившиеся и поглощенные праздником монахи запомнили ударить к вечерне.

«Это скверно», – подумал юноша, на миг остановился, сложил руки и скороговоркой прочитал «Отче наш» и «Верую».

В густеющем сумраке он различил смутный силуэт у па-

лисада аббатства. Решив, что это может оказаться торговец, Ги стал торопливо подниматься по склону. Но, к его разочарованию, это оказался Меченый. Пересекавший его щеку шрам казался черным в полумраке, глаза прятались в провалах глазниц.

– Что ты здесь делаешь, Эввар?

Мелит не ответил, да и Ги особенно не интересовал ответ.

– Ты случайно не видел, куда девался этот лохматый парень с коробом?

Эввар молча кивнул в сторону открытых ворот аббатства. В широком, поросшем травой дворе никого не было. Гремел хор сверчков. Кельтский крест гигантской черной тенью вырезывался на фоне залитого лунным светом (Ги и не заметил, когда из-за деревьев выплыла эта огромная луна) ночного неба. Юноша на миг замер перед символом веры, перекрестился, затем двинулся в глубь монастыря. Обогнув странноприимный дом, он увидел широкий хозяйственный двор, окруженный частоколом. И там, возле вбитых стоймя заостренных бревен, он различил медленно движущуюся тень коробейника.

– Эй!

Коробейник молниеносно обернулся. Вышедший из тени Ги невольно отпрянул от, казалось, готовой броситься на него фигуры.

– Святой Боже! Что с тобой, малый? Послушай, бродяга, мне понадобился твой товар. Где он? Я хотел бы кое-что ку-

пить.

В лунном свете Ги отчетливо видел, как дрогнули и ослабились мускулы на руках торговца, но в лице его все еще оставалось нечто волчье. Или это только казалось в неверном освещении?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.